БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ ВАМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советская культура

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

Газета выходит с 6 ноября 1929 года | № 1 (4437) | Суббота, 1 января 1972 года | Цена 3 коп.

Новогоднее поздравление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР советскому народу

Выступление товарища Н. В. ПОДГОРНОГО по телевидению и радио

Дорогие соотечественники, граждане Советского Союза!

Дорогие товарищи, друзья!

Пройдет несколько минут, и 1971 год уйдет в историю. Провожая его, мы тепло вспоминаем все, чем он памятен и дорог советским людям, каждому из нас, мысленно вновь обращаемся к тому, что нами пережито, пройдено, свершено.

Год 1971-й был годом XXIV съезда КПСС, наметившего ленные ориентиры на пути к упрочению мира на земле, коммунистическому расцвету нашей Родины, благосостоянию и счастью советского народа. Этот год войдет в историю как первый год девятой пятилетки, год огромного политического подъема и трудового энтузиазма масс в борьбе за осуществление планов, начертанных партией. Уверенно развивались все отрасли нашего народного хозяйства. Достигнуты новые успехи в науке и технике. Возросла экономическая и оборонная мощь Советского государства. Еще богаче и ярче стала жизнь народа. Приятно отметить, что уходящий год принес советским людям еще больший достаток, ознаменовался улучшением условий труда и быта, дальнейшим ростом образования и культуры.

Наши успехи в коммунистическом строительстве, все, чем мы располагаем и чем по праву гордимся, — это плод борьбы и труда, энергии и творчества героического рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Свой вклад в общее дело внесли советские женщины, наша славная молодежь, ветераны труда и войны. Бдительно охраняют мирный труд народа, завоевания социализма доблестные воины Советской Армии.

Партия, Родина гордятся вами, дорогие товарищи!

1971 год был годом дальнейшего укрепления международных позиций и авторитета нашей страны, всего социалистического содружества, это был год активной внешнеполитической деятельности Советского государства по осуществлению программы мира, принятой XXIV съездом КПСС. Достигнуты новые успехи в деле разрядки напряженности в Европе, общего изменения международной обстановки в пользу мира и безопасности народов.

Вместе с тем мы ясно сознаем, что сторонники военных авантюр не сложили оружия, что на пути к упрочению мира имеется немало трудностей и препятствий. Они могут быть преодолены, если будут достигнуты взаимопонимание и согласованные усилия всех государств в интересах мира.

Наши мирные инициативы находят признательность и поддержку честных людей планеты, вселяют в их сердца оптимизм, светлую веру в возможность победы над темными силами империализма и реакции, зла и безрассудства.

Дорогие товарищи, друзья!

Сейчас, когда отзвучат часы древнего Кремля, мы торжественно встретим новый, 1972 год.

Советский народ вступает в новый год монолитно сплоченный, полный творческих сил и замыслов. Как никогда прочен испытанный многонациональный Союз Советских Социалистических Республик, пятидесятилетие которого мы будем отмечать в наступающем году, непоколебимо единство партии и народа. Мы опираемся на великие достижения и неисчерпаемые возможности нашего строя, имеем перед собой великую цель и вооружены ясной программой действий. Вот почему советские люди уверенно смотрят в будущее, преисполнены твердой решимости идти вперед курсом XXIV съезда КПСС к новым победам и свершениям во имя мира и счастья, во имя коммунизма.

В этот торжественный момент Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи, с наступающим Новым годом и желают вам хорошего здоровья, радости, больших успехов в труде и учебе.

В этот момент мы сердечно поздравляем народы братских стран социализма, шлем горячие приветствия коммунистическим и рабочим партиям, трудящимся капиталистических государств, борцам за национальное освобождение. Мы направляем наилучшие пожелания всем, кто борется против империалистического произвола, за свободу, независимость и социальный прогресс, за мир и дружбу народов.

Пусть процветает и крепнет наша любимая Родина! Пусть еще лучше, ярче и духовно богаче станет жизнь советского человека!

Да здравствует героический советский народ и его славная ленинская партия!

Да здравствует марксизм-ленинизм — знамя всех наших побед!

С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!

ЧТОБ УЛЫБАЛИСЬ ДЕТИ

В руке, которая ласкает голову ребенка,
мы оставляем свою нежность.
Тончайшей нитью
неуловимого света
льется она.
Река, русло которой мы
расчищаем
сегодня своими чистыми
руками,
руками, которые не дрогнут,
руками, которые на тот
ненависти, —
это река для ребенка.
Для его широко открытых глаз.
Настанет время,
оно будет совсем иным.
В сиянии наступающего
рассвета
откроется широкая дорога.
И тогда к ребенку вновь
вернется его улыбка.
И неважно, где будем мы
в то время.

Луис СУАРДИАС.
31 декабря 1958 г.

Этим стихотворением откликнулся на нашу просьбу выступить на страницах газеты в связи с национальным праздником Республики Куба известный кубинский поэт ЛУИС СУАРДИАС.

— Но почему же ты прислал нам стихотворение, которому уже исполнилось тринадцать лет? — спросили мы поэта. — И потом ведь в нем ничего не говорится о революции, о сражениях, о прославленных партизанах-гверильеро? И тогда Луис Суардиас рассказал нам историю о том, как было написано это стихотворение. Вот эта история:

— В полдень 31 декабря 1958 года у нас, бойцов одного из отделений повстанческой армии, выдалась свободная минута. Мы знали, что готовится решительное наступление. И мы готовились к нему. Как раз накануне Оскар Рамос Пиньоль (впоследствии он закончил обучение в Москве и сейчас вместе со своей супругой, бывшей москвичкой Наташей, работает на Кубе) был в штабе подпольного движения, где получил инструкции. Мы еще не знали, что 1 января будет днем победы нашей народной революции, но мы знали, что всего несколько часов нас отделяло от того момента, когда повстанческие войска ворвутся в Камагуэй. И мы знали, что борьба будет нелегкой. Очень нелегкой. Что в ней могут пасть те, кто перенес трудные годы подполья и повстанческого движения. Вот в такой момент раздумий мне захотелось взять перо в руки.

На закате 31 декабря я зашел в дом нашего сподвижника — писателя и педагога Анхела Фонте Бернабé. Ему я и вручил листок со своими строками. Здесь же я написал заголовок «Новый год. Завтра». Так что и в нелегкий час борьбы мы думали о новом годе.

Помните, в стихотворении есть строка: «И тогда к ребенку вновь вернется его улыбка»? Я обращался к сыну Анхела. В этом крохотном существе я видел символ всех наших кубинских детей, перед которыми революция должна была открыть широкие двери в жизнь. Как известно, именно так и произошло.

Кстати, у моего стихотворения есть «продолжение»: сын Анхела Фонте сегодня молодой революционер, учится в одном из учебных заведений города Киева. Как видите, все «участники» моего стихотворения самым тесным образом связаны с советским народом, с Советской страной. Вот почему я так бережно отношусь к дате, поставленной под стихотворением «Новый год. Завтра».

Мирдза КЕМПЕ,
народная поэтесса Латвийской ССР, лауреат Государственной премии СССР

Звездный круг

На беговой дорожке бытия
Свой новый круг планета
начинает.
И солнца свет мне сердце
затопляет
Да так, что даже
вздрагиваю я.
Летят неудержимые года,
Как ветер, что расшвыривает
тучи.
Как не отстать мне ото всех
живущих?
А если я устану? Что тогда?
Тогда со мной — товарища
плечо,
Чтоб не грустила я,
не оробела,
Чтобы строка моя
не устарела,
Чтоб жить хотела я еще...
еще!
Года считаю, что остались
мне,
Хоть этот счет дается
все труднее,
Но жить я по-другому
не сумею —
Я с юными должна быть
наравне.
На беговой дорожке бытия
Свой новый круг планета
начинает.
Сердца людские солнце
затопляет
И светом их жива
на свете я.

Перевела с латышского
Лариса РОМАНЕНКО.

Вручение премий России

31 декабря в Москве состоялось вручение Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры 1971 года.

Дипломы и почетные знаки лауреатам Государственных премий РСФСР вручил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров Российской Федерации он сердечно поздравил лауреатов России с заслуженными наградами и пожелал им новых творческих успехов.

(ТАСС).

БАСТУЕТ ОРКЕСТР

НЬЮ-ЙОРК. (ТАСС).

«Руки, привыкшие к музыкальным инструментам, сейчас снимают древки плакатов, на которых написано «Мы бастуем!». Так агентство АП сообщило о начавшейся в канун Нового года забастовке музыкантов известного симфонического оркестра в Балтиморе.

Участники забастовки потребовали у администрации повышения заработной платы. Однако руководители музыкального коллектива под предлогом «финансовых затруднений» отклонили справедливые требования оркестрантов.

Из-за забастовки в разгар сезона закрылись двери балтиморского «Лирик театра», где обычно выступает симфонический оркестр. «Мы будем бастовать до победы!» — написано на листовках, которые распространяли в городе бастующие музыканты.

ЮБИЛЕЙ АРТИСТА

ОРДЖОНИКИДЗЕ. (ТАСС).

Театральная общественность горного Иристона широко отметила 60-летие народного артиста Северо-Осетинской АССР Мамбека Цаликова. 150 сыгранных ролей, 68 спектаклей — таков его послужной список за сорок лет работы.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

Ленин встречал первый год
Новой эры,
в первой рабочей стране,
в кругу рядовых революционеров,
на Выборгской стороне.
...Над самоваром — клубы пара.
К чаю — хлеб, леденцы.
А в зале кружились за парой
пара —
прядильщицы, кузнецы.
Спорило с блеском электричества
сияние девичьих глаз.
Праздник справлял
Его Величество —
Славный рабочий класс!
Те, кто за бунт сидел
в каталажке,
кто был бесправен вчера,
гуляли там,
где при Николашке
давали балы юнкера...
Бравый матрос в тужурке тесной
спросил, подсев к самовару,
мол, как марксисту любить
невесту —
по-новому иль по-старому?
Ильич улыбнулся: «Скажу
по секрету:
любовь не поддается декрету.
Она всегда неизменна.
Любите, как Ромео Джульетту,
как Инсаров Елену!»
...Крупская рядом. В шарфе-косынке,
в кофточке шерстяной.
Она поддержала Ленина
в ссылке,
ссыльному стала женой.
С ним прошла через все
мытарства,
в борьбе ему помогла.
И — женой Главы государства —
осталась простой, как была.
Как мать она глядела на всех,
сердца согревая взглядом.
А ночь морозная сеяла снег
над будущим Ленинградом!

СНЕЖНЫЙ БУКЕТ

ЭТО ВЫСТАВКА выдумщиков и фантазеров. Они хотят подтолкнуть чаще воображения, увести от обязательных стандартов в мир волшебного превращения вещей. Названа экспозиция «Новогодний букет» но скорее это букет неожиданностей, в котором больше игрушек, чем цветов, а свечей больше, чем веток.

Центральный салон Художественного фонда СССР пригласил в свой выставочный зал из Московского общества охраны природы самых способных на выдумку людей.

Они, как фен, прикоснувшись желанием к таким простым вещам, как камни, стекла, шишки, пластикам, создали десятки вариантов настольных, настенных и всяких других новогодних украшений для дома, для класса, даже для делового кабинета, куда вы придете после праздника и с удовольствием вдохнете аромат еловых веток, припудренных сверкающим снегом фантазии. Выставка Центрального салона — подарок каждому, кто еще не разучился удивляться.

Т. СНЕГОВА.

Еженедельник № 1 (20)

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- В СТОЛИЦЕ «ЖИГУЛЕЙ» (2 стр.)
- ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДНОЙ НОЧИ (2 стр.)
- НОВЕЛЛА ЖИЗНИ НАТАЛИИ САЦ (3 стр.)
- ЧЕЛОВЕК, ОБМАНЫВАЮЩИЙ ЧЕСТНО И КРАСИВО (4 ст

интервью

КАК ВЫ ВСТРЕЧАЕТЕ НОВЫЙ ГОД?

— Никогда из моей памяти не исчезнет воспоминание о том, как я встречал новый 1943-й год на фронте. Я состоял в штате военной газеты «Вперед к победе»: то был орган Черноморской группы войск Закавказского фронта. В декабре 1942 года редакция располагалась в Сочи, в маленьком помещении поликлиники санатория «Ривьера». И вот в ночь на 1 января 43-го года в помещении редакции состоялась встреча нового года. 20 офицеров и десять сержантов (среди них был старший сержант Л. Лиходеев) вместе с сотрудницами редакции роскошно поужинали колбасой «второй фронт» салом и прочими фронтовыми яствами, выпили не только «черноморские двести граммов», но даже отличного кавказского вина, отведали мандаринов и провозгласили тост за победу! А радио передавало сводку о том, как наши войска дошибают немцев под Сталинградом. И я написал о том не только в нашей газете, а еще и фельетон в «Красный черноморец» — орган нашего флота. Ах, как приятно было высмеивать глупых гитлеровских генералов, которые думали, что они уже победили, забравшись на берег Волги. А тут-то их ловили только руками, как перепелок по осени!..

Мне хочется послать привет товарищам по редакции. К сожалению, скончался поэт И. Сельвинский, который был с нами. Но художники В. И. Фомичев и В. П. Высоцкий и поныне мои друзья. В Крыму живет и работает поэт А. И. Малин, а в Тбилиси работает Э. А. Фейгин. Не только этим перечисленным друзьям, в всему составу редакции 43-го года я рад сказать добрые слова! Желаю вам счастья и здоровья, товарищи!

Виктор АРДОВ.

— Я люблю, встречая кто, протянуть ему руку и сказать: я на вас рассчитываю, молодой человек, ведь впереди — «Пуэль».

Иосиф ХЕЙФИЦ,
народный артист СССР.

— Я же говорил, что без елки из останемся!

— Да, ты знаешь кто я такой!..

Авторы рисунков: А. Борн, Х. Бюттнер, Ф. Курнц, Э. Липинский, А. Мондриало, А. Пвин, В. Розанцев, Е. Флисак.

Фото М. Муразова, С. Барышникова, И. Рудовского.

Владимир МИТИН

ДЛЯ ТЕХ, КТО В ПУТИ...

ИСПОВЕДЬ БЫВАЛОГО КОНЦЕРТАНТА

ВСТРЕЧА Нового года, так сказать, на ходу кажется нам кощунственной. Мысль о том, что начало года будет отсалютовано не мажорным шампанским залпом, а трамвайным скрежетом банки «Завтрак туриста», невыносима. Меж тем параграф № 13 неписаного кодекса жизни эстрады и путей сообщения диктует: надо, значит, надо.

Мы предлагаем вам несколько полезных советов на случай гастрольного путешествия под Новый год.

Итак, сейчас вы — покоритель километров и стихий,—только что выступивший в центральном сухопутном клубе подводников, срочно спешите в Сернокисловодск гасить «горящую» гастрольную путевку. Нет! Сейчас вы не чтец-декламатор и не чечеточник. Вы начальник дистанции, капитан и спортсмен. И поэтому, не глядя тоскливо на янтарные домашние светлячки под крылом, вы выхватываете из кармана карту часовых поясов. К вашим услугам как московское, так и местное время. Красота! Не беда, что вы уже обслужили за этот день три «елки», два шефских концерта, один новогодний, а впереди — два абсолютно внеплановых: в Иркутске и в Камышине. Покоряйте пространство, встречайте Новый год только самолетами Аэрофлота!

И хотя елок Аэрофлот не предоставляет, никто не запрещает пассажирам проявлять инициативу. Один наш знакомый (всю жизнь встречавший Новый год в творческой командировке) рассказывал, что обычно брал с собой в дорогу маленький кактус.

— Колется, что ваша елка, — утверждал неутомимый гастролер. — Ведь синтетическую вы ни за что не купите. А для запаха вожу с собой хвойный экстракт. Правда, есть любители важного средства «Бадузан» с ярко выраженным еловым ароматом...

Поверим этому артисту-подвижнику на слово и примемся, как прекрасно встречать Новый год в других видах транспорта. Вот едете вы к железнодорожному. Даже аэрофлотовские машины не летят по такой погоде, как сегодня, а вам во что бы то ни стало надо провесть на очередное предновогоднее представление. Вы мчитесь, терзая радиатором такси нелетные метеоусловия и согреваетесь мыслью, что путейцы, как футболисты, работают при любой погоде...

— Хе-хе-хе!.. Так смеетесь вы горьким внутренним смехом, воображая обыденность поедания тресковой печени в домашних условиях. Что печень! — думаете вы, представляя себе романтический колесный стук вагона-ресторана. Не беда, что он еще с Читы забаррикадирован вашими коллегами из джаза «Ай, мамбо», мелодично кричащими: «Гуси, гуси, га-га-га!..». Советуем подождать, покуда к ресторану подкатит вагонетку с «Жигулевским». Хватайте ящик и, призывая, словно запрещенский грузчик: «Вира, робятки, майна!», врывайтесь в компанию джазистов. Ручаемся, что вы будете самым желанным гостем этой мужественной, тесно сплоченной группы!..

Вообще же мы должны прямо сказать, что нет такого положения на транспорте, из коего не было бы выхода. Обладая достаточно богатым артистическим воображением, можно всегда оборудовать достойную встречу Нового года, путешествуя, допустим, в каноэ, на санях или на ковре-самолете. Уж не говоря о междугородном автобусе.

С одним нашим знакомым куплетистом был случай из его жизни. Аккурат под торжественную ночь куплетист ехал в автобусе из одного города на Оке в Москву. Он спел там все, что полагалось ему спеть, но... снег валил так густо, как никогда не бывает в жизни, а только при съемках фильма из геологоразведочной жизни...

«Ну, что же, — мрачно думал наш шансонье, — надежды на встречу Нового года дома никакой...». Певец глядел на ватную пелену, сквозь которую виднелись уютные оконные огоньки, вкрапленные в белесую взвугу. Там все было готово к встрече!.. Солист зажмурился и решил, что у него есть грандиозное преимущество: мало кто из путешественников с энтузиазмом выпивал за оставшихся дома. Зато всякая компания непременно хлопнет бокал-другой за «в путь шествующих»...

Поэтому теперь с полным знанием дела автор фельетона советует: попав в безвыходную автобусную ситуацию, не падайте духом. Спите. За вас все равно выпьют...

И еще выпайте за меня, так как в эту минуту я нахожусь в движущемся лифте. Я возвращаюсь с концерта домой, туда, где уже готова печень.

Лифт везет меня к моему этажу, везет, проезжает мимо и довозит до последнего. Остановившись на секунду, кабина идет вниз, проезжает мой этаж, добирается донизу и снова вверх, вверх... Скоро час, как я жму кнопку переговорного устройства. И вдруг, о радость, знакомый баритон звучит в репродукторе:

— Ну что там еще?

— Это я! — кричу я. — Спасите меня! Остановите лифт...

— Вы в каком подъезде? — зевнув, спрашивает баритон. — И как давно?

— В шестом. Два часа.

— А я — в восьмом, — говорит голос. Я — маг-чародей. Живу в лифте с 31 декабря прошлого года... Что же, коллега, с новым счастьем!

СЧАСТЬЕ С ГАРАНТИЕЙ

Герман КАНТ, немецкий писатель (ГДР)

ВСЯКИЙ раз, когда истекает старый год, а из будущего нам приветливо машет рукой год новый, мне обязательно дают о себе знать мои друзья — редакторы. Они выражают надежду, что у меня все в порядке, желают мне всяческих благ на ближайший период времени и просят прислать им статеечку. Тема ее всегда гласит: «Итоги и перспективы».

Я уже давно решил, что никогда больше ни слова не напишу на тему «итоги и перспективы». Пусть даже об этом меня попросят в связи с 11 августа, 4 апреля или 29 июня. И уж, конечно, я не стану ни подводить итоги в связи с 31 декабря, ни прикидывать перспективы, открывающиеся нам 1 января.

Вооруженный этим принципом, я равнодушно погиадывал на телефон в предвкушении традиционных предновогодних звонков. Ах, друзья мои, дорогие редакторы, вы, разумеется, жаждете получить от меня итоги и перспективы, но мне-то какое до этого дело? Что может со мной случиться?

Случиться, однако, может вот что: раздается звонок, я снимаю трубку, мне сообщают, что на проводе редакция «СК» из Москвы, а у аппарата мой друг редактор А.

Беседа протекает в полном соответствии с обычной схемой: он справляется о моем самочувствии, выражает надежду, что со мной в ближайшее время ничего страшного не произойдет, и просит написать что-нибудь для своей многоуважаемой газеты. Лишь формулы радио и не без тайного злорадства я спрашиваю насчет темы и уже заранее прикидываю слова и формулировки, в коих я изложу ему свой принцип и отвергну заказ.

И в этот момент товарищ А. говорит: «Человек рожден для счастья».

На мой ошеломленный вопрос, действительно ли он в этом уверен, товарищ А. твердо и незамедлительно отвечает, что да, конечно: «А что, разве у вас иное мнение?»...

И ВОТ теперь я сижу дома и даже чуть-чуть тоскую по доброй старой теме «Итоги и перспективы»: ведь сколько я мог бы тогда написать!

Взять хотя бы соглашение по Западному Берлину — об одном о нем я мог бы распространиться на целых страницах. В конце концов оно как-никак укрепило международный престиж моей страны. Пока шли переговоры, я мог наблюдать, как у меня под окнами проезжает представитель Западной Германии. А ведь еще пару лет назад кое-кто в Бонне упрямо твердил, что мое государство просто не существует!

Или я мог бы поговорить о VIII съезде СЕПГ. И о том, как повсюду в нашей жизни ощутимо его благотворное воздействие.

Или вспомнить о литературных событиях уходящего года — иными словами, о съезде советских писателей и о своей роли на этом съезде как посланца литературы ГДР.

Или рассказать, как потом, в октябре, я снова был в Москве и, сидя в зале Театра эстрады, взволнованный, слушал, как моя жена исполняла со сцены песни Брехта.

Или, наконец, отметить 1971 год как пятый выхода в свет моей третьей книги.

А сколько я мог бы сказать, если бы моей темой были перспективы, что открывает нам наступающий год!

Я мог бы тогда говорить о надеждах и ожиданиях.

Например, об ожидании, что западногерманский бундестаг ратифицирует, наконец, Московский и Варшавский договоры, а Германская Демократическая Республика займет свое место среди Объединенных Наций.

Следовало бы также сказать и о настоятельнейшем требовании мира для народов Вьетнама и соседних с ним стран. Равно как и об искреннем пожелании, чтобы в головах китайских руководителей завелось хоть немного марксистских мыслей.

Можно было бы сказать и о кое-каких второстепенных — в сравнении с вышеназванными — вещах, которые собирается подарить нам 1972 год. Например, об Олимпийских играх, которые стали ныне важнейшим побочным занятием всего мира.

Наконец, заглядывая в наступающий год, я не мог бы пройти и мимо того факта, что в самом его начале выйдет в свет моя новая работа — роман «Выходные данные».

Да, все это я мог бы сказать. Только вот тема, которую мне предложил мой друг, редактор А. из газеты «Советская культура», сформулирована, сколько я помню, так, что мне вовсе не нужно подводить итоги и намечать перспективы. Она призывает меня не к перелистыванию старых и новых календарей, а к напряжению моих философических способностей. И она требует от меня признания, что «человек рожден для счастья»...

ВО МНЕ моментально пробудился спонтанный скептик, едва только я услышал эти слова. Да и сейчас, по зрелом размышлении, я больше склонен задавать вопросы, нежели отвечать на них. Ну, например, такой вопрос: а кто это определил, для чего рождается человек? Или еще: а кто он такой и что это такое — человек?

Но прежде всего я хотел бы выяснить: что такое счастье?

Несколько дней назад я слышал по радио сообщение одного американского репортера. По его словам, некий джентльмен рассказал ему, что в нынешнем году он, слава богу, снова в состоянии что-нибудь подарить жене к рождеству. В прошлом году, черт побери, было, мол, невероятно туго с деньгами, его капитал сократился до каких-то жалких ста тридцати пяти миллионов долларов. Но теперь дела поправились, так что и жена не останется с пустыми руками...

Сей джентльмен, я уверен, определенно называет все это счастьем.

И в этот же момент, возможно, другой человек, — скажем, в Бангла Деш, — склоняется над своей женой и детьми, забывшимися тревожным, усталым сном, — в первый раз в своей собственной хижине после долгих дней изгнания, страха, после долгого возвращения домой.

Для этого человека, как я уверен, это тоже счастье.

Как же тогда будет выглядеть «общее» счастье для них обоих? И что такое счастье для трех с половиной миллиардов людей?

«Человек рожден для счастья» — сами по себе это всего лишь пустые слова без всяких гарантий.

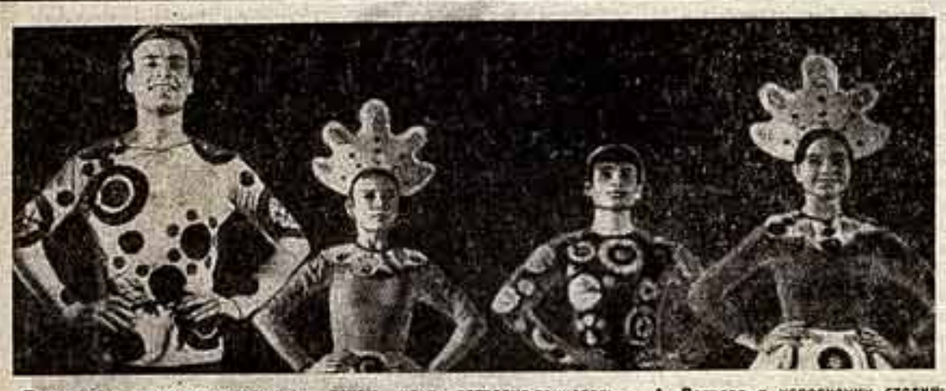
Нет никакой другой инстанции, ответственной за счастье, кроме нас самих. Мы одни отвечаем за то, что выпадает на долю нам самим, и за то, с чем столкнутся наши потомки.

И достойны этой ответственности, этого долга мы будем лишь в том случае, если сумеем учитывать то, что было, и планировать то, что должно быть. Мы сможем приблизиться к счастью, если возьмем на учет и наших друзей, и наших врагов. Если не будем упускать из виду нашей слабости — равно как и достоинства наших противников. Если научимся извлекать уроки и из наших побед, и из наших поражений.

Фразу «человек рожден для счастья» нельзя воспринимать как нечто успокоительное — она есть изложение задачи, стоящей перед нами. И решить ее мы сможем лишь тогда, когда уверенно и беспристрастно определим свое место в жизни. Определим, окинув взором прошлое и заглянув в будущее.

Кстати, мои друзья редакторы называют это также «итоги и перспективы».

БЕРЛИН.



Позади уже половина праздника — фестиваля искусств «Русская зима».

В Театре эстрады с большим успехом идет эстрадно-танцевальная программа «Хоровод друзей».

«Русский сувенир» — хореографическая композиция на музыку А. Петрова в исполнении столичного ансамбля «Сувенир».

ДОМ—МУЗЕЙ

31 декабря Новый год постучался и в двери музея «Левая нога». Он был встречен радостным гудением всей компании за столом, как бы подчеркнувшим, что сотрудники музея — тоже люди.

Непосредственно за первым тостом стала стремительно развертываться такая яркая картина коллективного ликования, что описать ее под силу только большим мастерам пера, которые в этот час, похоже, были заняты более важными делами.

Поэтому сегодня мы будем вспоминать лишь некоторые милые фрагменты этой картины.

НА ХОЛОДНОМ СКЛАДЕ

...И СНЕЖИНКИ, снежинки, снежинки веселым хороводом понеслись по стенам и потолку в тот самый момент, когда веселье достигло апогея и, казалось, вот-вот пойдет на убыль. Взрыв аплодисментов был наградой сотрудникам музея, соорудившим шар из битого зеркала, повесившим его под потолком и запустившим шар в нужное время.

Это была блестящая кульминация великолепно подготовленной встречи Нового года.

Программа вечера была составлена свежо, талантливо, умно. Как во всех лучших Домах, кроме собственного новогоднего ужина, она включала в себя просмотр полюбившихся с детства диснеевских мультфильмов, приезд и выступление настоящих ночевых цыган, танцы под оркестр, демонстрацию американского полицейского фильма (дублированного на греческий с испанскими субтитрами), беспроигрышную лотерею и, наконец, аттракционы.

Активисты «Левой ноги» нашли для этой цели помещение холодного склада, украсили его бумажными гирляндами, обвешали пластмассовую елочку мелкими экспонатами из запасников музея, регулярно пульверизировали воздух хвойной водой. Непрезентабельное, казалось бы, помещение сразу же превратилось в презентабельное.

Некоторые неожиданные отступления от программы не только не могли испортить настроение собравшимся, а, наоборот, вносили приятное оживление.

Так, всеми тепло было встречено импровизированное выступление дуэта сторожей музея, которые, запершись в каморке под лестницей, пели какую-то бесконечную песню с припевом:

Ваше величество,
Хорошо в лесничестве,
Кроме электричества,
Все в большом количестве...

Позже выяснилось, что сторожа из-за необычной обстановки (дневной — никогда не бывал в музее ночью, а ночной — никогда не видел в музее людей) несколько поторопились провозгласить Старый и встречать Новый год.

Не огорчило собравшихся и то обстоятельство, что приглашенный поиграть на танцах духовой оркестр соседней пожарной команды прибыл в половинном составе. (Кларнеты и трубы были перехвачены клубом «12 стульев»). Это лишь придало знакомым вальсам приятную степенность.

Измучившиеся ночевые цыгане обрели свое ночевье в каком-то предыдущем Доме и дали знать об этом по телефону. Коллектив легко нашел выход из сложного положения, спев хором «Я ехала домой».

Из аттракционов наибольший успех имел бег в мешках и кормление с завязанными глазами друг друга ячневой кашей. Последний аттракцион, впрочем, скоро пришлось остановить из-за того, что вся каша была съедена приглашенными, настроившимися за внесенные деньги видеть более обильный стол.

Буфет работал нормально.

Геннадий ШАБАНОВ

В ГОРОД ПРИЕХАЛ ЧЕЛОВЕК

ЕВСЕЕВ приехал в Тольятти три года назад, уже в должности директора металлургического производства ВАЗа. С тех пор он два раза выезжал в Куйбышев, два раза ходил в кино и однажды был в отпуске. Все остальные дни Евсеев жил в городе или, вернее сказать, на заводе: к половине девятого утра он приезжал на ВАЗ, около девяти вечера возвращался домой.

Иногда я думал, что за три эти года он совсем, наверное, утратил ощущение времени, а ведь еще недавно оно отчетливо делилось для него на день и вечер — рабочий день и свободный вечер. Евсеевы были коренные москвичи, и последние лет пятнадцать Александр Сергеевич «просидел» в «НИИавтопроме», защитил здесь кандидатскую и здесь же в 1966-м получил Ленинскую премию.

Познакомил нас режиссер, местный хроникер: он снимал о Евсееве фильм. Мы жили в одной гостинице, и из всех тогдашних рассказов о «странностях» Евсеева мне особенно понравился один: как он отказался от секретарши. То есть, не то, чтобы совсем отказался, а пересадил в другую комнату, и в кабинет к нему можно было теперь входить свободно.

Наутро мы были в этом кабинете — просторной комнате из сплошного стекла: стеклянные двери, стеклянные стены, стеклянный потолок. Евсеев все время был на виду и все время занят: наверное, потому, что всем это было видно, никто и не входил сюда по пустякам, хотя в кабинете постоянно толпились люди.

В фильме о Евсееве меня заинтриговал небольшой пролог, несколько дикторских фраз, суть которых сводилась к тому, что в Москве Евсеева всячески отговаривали от поездки, считая эти годы потерянными, выброшенными из жизни. Вырисовывалась любопытная ситуация: крупный «кабинетный ученый», оказавшийся внезапно в самом центре прозаических забот, так сказать, конфликт «чистой науки» и практики. Мне и до того приходилось слышать, что не все ехали на ВАЗ охотно, что кое на кого «нажали», кого-кого «назначили». И однажды я не постеснялся спросить Евсеева, правда ли это. В ответ он пожал плечами:

— Отговаривали, конечно... Когда подходит к пятидесяти, ломать себя нелегко. Существуют же какие-то привычки, планы... Но конфликта не было. Да и что такое «кабинетный ученый»? Из 16 лет, которые я провел в институте, половина ушла на командировки — те же заводы, лаборатории, цехи... А «назначения»... В Тольятти меня в 66-м пригласил Полаков, генеральный директор ВАЗа. У меня было два дня на размышление, наутро я позвонил и сказал, что согласен. 6 сентября был подписан приказ, 30-го я был в Турине. Вот и все. Примерно так же пришли остальные: Башинжагян, Житков, Кацура, Исаков, Шнейдер...

Он немного помолчал, закурил новую сигарету. Курил он беспрерывно, но ему и это шло.

— В сущности, это люди одного поколения, — сказал он, — и по возрасту, и по отношению к жизни. Многие были знакомы еще до ВАЗа. У каждого — громадный опыт, интереснейшие биографии. Правда, последнее время они занимали ответственные должности в министерствах, ведомствах, институтах — разве что в этом смысле ВАЗ строили «кабинетные ученые». Но тут все мы — и «чистые практики», и «чистые ученые» — начинали с нуля. Такого у нас еще не было...

Насчет «одного поколения» он сказал не очень осторожно, потому что я сразу уцепился за эти слова. Было интересно: если считать с первых пятилеток, то это уже третье поколение крупных инженеров, «командиров производства», как называли их раньше. Похожи, непохожи? В чем-то же сошлись?

— В начале 30-х годов я был школьником, — сказал Евсеев. — Есть ощущения, воспоминания, но это ненадежно... Поэтому лучше обратиться к литературе, тем более, что она в то время была почти документальной. Погодинский Гай, например, очень точно совместил черты поколения: напор, энергию, фанатичную преданность делу.

Люди, о которых я говорю, очень похожи на Гая. Что такое в наше время «преданность делу», например? Часто она оборачивается отказом от привычного жизненного уклада, комфорта, материальных преимуществ. Те, кто руководит сейчас ВАЗом, оставили хорошие, столичные, по преимуществу, квартиры, друзей, более высокие оклады. То есть, выражаясь определенным языком, они «потеряли».

Когда говорят, что эти люди дни и ночи проводят на заводе, что в первые годы строительства они практически не имели выходных дней, то это, увы, не преувеличение. Так сложилась их жизнь, и они в общем знали, что она так сложится.

Что же они получили взамен? Завод! Это нечто большее, чем просто производство, это их жизнь, как когда-то для Гая. Понимаете? Каждый из них — крупный специалист, каждому в любой момент могут сделать заманчивое предложение. Я вам скажу... хотя это уже несколько из частной жизни. Недавно эти люди собрались в узком кругу. Они договорились, что никто не уйдет с ВАЗа, пока он не достигнет проектной мощности. Вы понимаете, официально такое решение принять нельзя...

Он замолчал, раздумывая, очевидно, надо ли делать выводы.

— Так вот, я полагаю, что это и есть главное, что досталось нам в наследство и что мы сумели, к счастью, сберечь. Но, конечно, нынешнее поколение много прибавило. Специальные знания, широкая образованность, эрудиция, умение мыслить масштабно, научно-строго — без этого не было бы ВАЗа. Выражаясь техническим языком, здесь мы вышли на уровень мировых стандартов. Маленький пример, если хотите...

Вы, конечно, знаете, что у нас была создана специальная группа, которая принимала проект ВАЗа. Но она не просто его принимала: было внесено несколько существенных поправок. Итальянцы не только согласились с ними, но и применили их потом у себя на «Фиате».

Говорят, в Москве идет сейчас спектакль «Темп-1929». Это было очень важно тогда — выдержать темп 1929 года. Сегодня мы должны выдержать темп 1972 года. Мы обязаны научиться жить в этом темпе. Так вот ВАЗ — это и «Темп-72».

Темп жизни. Пульс города. Я помню Тольятти летом 1968-го... Каждый день проносившиеся мимо поезда, «метеоры», автобусы выбрасывали здесь сотни, а то и тысячи людей. Тольятти напоминал внезапно разбуженный вулкан, людская лава затопила город, сделала его безликим, неопределенным. Но каждый, кто приезжал сюда за три эти года, менял город. Даже один человек способен изменить город, положив в его палитру свою краску. А тут было целое пришествие новых людей, и у каждого — свои нравственные нормы, свой опыт, собственный масштаб мышления...

Однажды мы заговорили об этом, но, послушав немного, Евсеев вдруг спросил, был ли я в кузнечном цехе.

Я сказал, что был, конечно.

— А на каком-нибудь другом заводе в кузнечном?

На другом я был тоже.

— Ага, значит вы можете сравнивать, — удовлетворенно, но не очень понятно сказал он.

Дело в том, что сравнивать, мягко говоря, было нечего. Кузнечный на ВАЗе совсем не походил на себя: ни кислоты, ни испарений, ни специфических запахов, не было даже привычного грохота, машины выкрашены в какие-то веселые цвета.

Евсеев выслушал, согласно кивая головой, потом немного наклонился вперед.

— Может быть, вам будет это интересно: кузнечный первым на ВАЗе вышел на проектную мощность. Здесь самая высокая производительность труда и самый низкий процент брака в стране.

Евсеев поглядел на часы:

— Увы, мне пора... Он еще раз закурил и, уже прощаясь, сказал:

— А все-таки любопытно: рабочие руки на заводе нужны постоянно, а в кузнечном что-то вроде конкурса. Можем выбирать...

Он ушел, а я стал вспоминать, о чем он только что говорил.

О цветах, которые «внедрили» в чугунолитейном. Поставили — растащили, поставили снова — опять исчезли. В конце концов цветы «победили».

О цветоводе. В металлургическом производстве взяли на работу цветовода, и он уехал в Сочи, откуда должен пригнать два вагона «вечнозеленых насаждений».

О газонах. У корпусов разбили газоны, сделали дорожки, но многие все равно лезут по траве, лень обходить. «Может быть, посеять по краям пшеницу? — сказал Евсеев. — Есть ведь у человека что-то изначальное, через что не перешагнешь!».

Одно время много писали об эстетике производства, о ее связях с эстетикой быта. В идеале виделась единая «эстетическая цепочка», по которой в течение дня передается человек. В конце концов половину «сознательного времени» люди проводят на работе, и ее атмосфера воспитывает не меньше, чем, скажем, атмосфера квартиры, куда они потом возвращаются.

«Эмоциональная окраска» — это Евсеев сказал однажды как бы между прочим. Кто знает, что он имел тогда в виду: завод или «вообще»... «Эмоциональная окраска» на ВАЗе принципиально иная, чем на «среднем заводе», тут свой «микроклимат». Но если учесть, что каждый десятый тольяттинец так или иначе связан с ВАЗом, то получается, что завод прямо выходит на город, проецируется на его культуру, быт.

Принято писать, что ВАЗ — гигантская промышленная лаборатория страны. Но город и завод давно уже столкнулись, и не так легко оказалось провести четкую границу между «просто работой» и «просто бытом». Десятки проблем, практических вопросов, жизнью поставленных экспериментов сделали Тольятти испытательным полигоном для самых разных специалистов — психологов, социологов, демографов. И люди, строившие ВАЗ, тоже не могли уйти от этих проблем.

Конвейер, например. В таких масштабах он для нас — случай уникальный. Огромное производство, на определенном этапе которого человек становится, грубо говоря, частью механизма, творческие возможности его сведены к минимуму. Словом, то самое противоречие между «машиной» и «личностью», которого мы так опасались.

В общем конвейер был «острым вопросом», и, задавая его Евсееву, в душе я не сомневался, что он отделается общими словами. Однако Евсеев, напротив, оживился.

— Вот вам проблема, которая из чисто производственной становится социальной, — сказал он. Вы, конечно, были на главном конвейере... Если пройти по всей его длине, а это два километра, то легко заметить, что работают там преимущественно молодые люди. Почти у всех за плечами средняя школа. Почему? Мы сознательно стремимся к этому. Сознательно собираем людей «с перспективой». Хотим, чтобы конвейер стал для них промежуточным этапом: приобретение трудовых навыков, ощущение атмосферы производства, его законов — а дальше техникум, институт. Понимаете? Конечно, это не всегда получается. А приказ ведь не издашь. Но такова тенденция...

ВАЗ спроектировали и затем построили в точном соответствии с проектом. Но можно ли красиво татьи заранее город, спланировать его культуру, быт, нравы? Так же просто прикрепить к карте страны полумиллионный кружочек?

Не знаю, думал ли когда-нибудь об этом Евсеев? Может быть, и думал. Во всяком случае, как-то он сказал:

— Когда я приехал сюда, под общежития сдавали обыкновенные жилые дома, стандартные пятиэтажные коробки. Недавно в новом городе принимали 12-этажное общежитие с так называемым «блоком обслуживания». Уютные меблированные комнаты на двоих, с электрической плитой и холодильником, просторные холлы, свой кинотеатр, танцзал, кафе, парикмахерская, почта и телеграф, библиотека, читальный зал. И все это — под одной крышей — замкнутый комплекс, рассчитанный на 3 тысячи человек. Все точно так, как было спланировано в идеальных условиях архитектурных мастерских.

Но интересно другое: мне говорили, что здесь, на месте, «спланировано» было и население этих общежитий. Подбирались люди, обладающие предположительно одинаковой суммой привычек, склонностей, интересов, — молодые специалисты, техники, высококвалифицированные рабочие. Так сказать, по принципу психологической совместимости...

...Позже я читал, что сдали уже три таких комплекса. 10 тысяч человек начали в новом городе новую жизнь. С них, собственно, делает город первые шаги в будущее. Как все будет дальше, что выйдет из этого эксперимента? Совпадут ли «поэзия прогноза» и «проза жизни»?

Я невольно подумал, что Евсеев, наверное, уже не узнает об этом. Разве что прочитает где-нибудь. Когда я спросил его, куда он после завода, он охотно ответил:

— Вернусь в Москву, в институт. Мой учитель в науке, я считаю его и учителем в жизни, сказал перед отъездом: «У тебя будет три этапа. Сначала — участие в проекте. Это интересно и полезно, ты сможешь использовать опыт, который накопил в институте, и изучить опыт, которого у тебя нет. Второй этап — монтаж и пуск завода. Это тоже интересно, но с другой точки зрения: всегда любопытно посмотреть, что вышло из твоих замыслов. И, наконец, третий этап — завод пущен. Для человека производства это самое интересное время. Но у тебя уже будет пухнуть голова от новых идей, и ты захочешь вернуться».

— Кажется, это время пришло, — Евсеев обезоруживающе улыбнулся.

* * *

...Если пролететь над Тольятти на самолете, то под крылом окажется синяя цепочка Жигулевских гор, лента Волги, прорезанная тонкой ниткой плотин, и где-то совсем рядом город, кварталы которого вплотную приближаются друг на друга домов.

Интересно, сможет ли тогда разглядеть среди них серые коробки ВАЗа Александр Сергеевич Евсеев или город уже поглотит их?

КУЙБЫШЕВ—ТОЛЬЯТТИ.

ИНТЕРВЬЮ

Как вы встречаете Новый год?

— Сейчас точно не назову уж какой встречали Новый год, но хорошо помню, что было это среди донских казаков. А человек среди них я в ту пору и был не последний. К тому времени «Поднятая целина» прошла по экранам страны. Разумеется, о щедрости казачьего стола говорить не приходится. Отведал я вволю и меда с огурцом, и сдобных вобузов, и поочей великолепной снеди. А главное, до третьих петухов слушал, как пели казаки,—голосисто и складно, с восхищением слушал умелых рассказчиков.

— Видел у нас за балкой вишнячок?

— Видел, — согласно кивнул я.

— Вот туда Лупцов бегала на свидание с Давыдовым, — сочувственно шепнула мне раскрасневшаяся соседка. (На свидание-то бегала моя жена. Я ведь играл в «Поднятой целине» Мимоза Нагульнова).

— На краю хутора, может, обратили внимание, способочилась хатёнка? Там дедушка Шучарь жил, — быстро вставила соседка с другой стороны.

— Ой смехота, говорят, была, когда Шучарь с крючком в губе бежал за той тропкой и голосил, будто недоезженный, — сказала другая молодица, показав в сторону окна.

— Ты лучше расскажи, как Нагульнов ухаживал за тобой!

— Тю, чего ты мелешь, я тогда еще в школу не ходила! За мамой он ухаживал.

— Ухаживал, а мы и не стесняемся, — улыбаясь, проговорила средних лет казачка.

Слушал я и боялся возразить. Ведь подобное мне слышать уже приходилось в самых разных станицах. И в Каргинской, и в Вешенской, и в Бухлановской, и в Раздорской. Говорилось это с глубочайшей убежденностью, не терпящей никаких возражений. Быть может, тогда на запомнившейся мне на всю жизнь встрече Нового года, до конца осознал я истинный смысл понятия народности художественного произведения. Ведь глубочайшее шолоховское знание жизни, талантливое проникновение в суть психологии своих героев не оставило народ равнодушным, заставило ощутить литературных героев, созданных писательским воображением, близкими и родными людьми.

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист РСФСР.

ГОСТЬ-ПУШКИН

Иосиф ИГИН

В ПОСЛЕДНИЕ дни 1938-го или 1939-го, точно уже не помню, какого года, Яхонтов выступал с концертами в Ленинграде. По окончании гастролей выяснилось, что Ленэстрада может уплатить за выступление только в новом году. А Яхонтов, рассчитывая на этот гонорар, истратил все, что у него было. Даже на дорогу в Москву не осталось. И у меня в ту пору денег было не густо. Оставил я себе сто рублей, по сегодняшнему — десять, чтобы уплатить за новогодний столик в Доме искусств, а остальные отдал Яхонтову и успокоился, зная, что этого хватит ему на билет в «Стрелу», да еще в Москве на такси до дому доехать.

Вечером следующего дня, 31 декабря, когда я собрался идти на новогодний вечер, у меня зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Яхонтов.

— Здравствуйте, с наступающим. Как доехали? Какая погода в Москве?

— Не знаю, — говорит Яхонтов, — какая погода в Москве. Я застрял в Ленинграде. Эстрада перестала оплачивать номер в гостинице. Пришлось самому за двое суток уплатить. А того, что осталось, не хватило на поезд.

— Ну, что ж, пойдемте вместе в Дом искусств Новый год встречать.

— Лучше приходите ко мне, — говорит Яхонтов. — У меня будут интересные люди.

И вот я в «Европейской», в номере Яхонтова. Он одет по-концертному. Один. Гости еще не пришли. На столе бутылка вина и кое-какая закуска.

Он ведет меня к висящей на стене афише. На ней большими красными буквами:

А. ПУШКИН.
Исполняет
В. ЯХОНТОВ.

— А здесь, внизу, — Яхонтов показывает рукой, — напишите:

Слушает
И. ИГИН.

Яхонтов смотрит на часы. Стрелки близятся к двенадцати.

Он открывает бутылку. Наливает вино. В два бокала.

— А гости? — спрашиваю я.

Яхонтов озорно кивает на афишу.

— А это что? Разве плохая компания? Кто, кроме нас, может сегодня похвастать, что с Пушкиным Новый год встречал?

Яхонтов усаживается поудобнее в кресле. Глаза его чуть прищурены. На лоб упала светлая прядь волос.

— Пушкин! — говорит он. — Сегодня только Пушкин.

Голос артиста звучит ровно, даже монотонно, и вдруг на спокойном, нейтральном фоне вспыхивает мазок. Яркий. Сочный. Еще один мазок. Голос расцвечивается. Он приобретает органное богатство и силу. И происходит чудо. Рядом со мною возникают Онегин и Ленский, граф Нулин, прекрасный город, раскинувшийся за стенами комнаты; еще более прекрасный, чем на самом деле, если только это возможно. По затопленным Невой улицам скачет Всадник. Моцарт поднимает отравленный бокал. За трагедией Бориса — трагедия поэта, отвергшего советы самого государя: «...ибо не умею переделывать однажды мною написанного!».

Голос Яхонтова. Но это уже не Яхонтов. Кажется, что сам Пушкин читает свои стихи. Он заставляет меня прислушаться к шагам Каменного гостя. Он шутит с красавицей, нюхающей табак. Он убивает эпиграммой князя Дундука. И еще. И еще... И так всю ночь...

СОВЕРШЕННО ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ

Виктор ОРЛОВ

ПОД Новый год фельетонисты пишут добрые фельетоны.

Это такая уж традиция — писать обязательно добрые фельетоны, и я не скажу, чтобы в этой традиции было что-то дурное. Что может быть дурного в том, что один человек, пишущий, хочет подарить другому человеку, читающему, добрые слова?

Добрые фельетоны похожи на модернизированные святочные рассказы. У них обязательно должен быть хороший конец. И в этом нет ничего дурного — кому в новогоднюю добрую ночь нужны наши горькие притчи о ворах, взяточниках да халтурщиках!

Фельетонисты меняют черные свитера на белые льняные рубашки с галстуками, чинно садятся к столу и начинают вспоминать о хороших людях и хороших поступках, о хороших историях с обязательными хорошими концами. И в этом нет дурного — в жизни каждого человека, даже фельетониста, была хоть одна добрая история...

Вот о такой истории меня и попросили вспомнить в нашей редакции, когда собирался новогодний номер. И я вспомнил одну добрую историю. Она строго документальна и произошла в среднеазиатском городке А, лет этак десять назад. Но вот беда — это была совершенно летняя история.

— Ничего! — решили сотрудники редакции (в это время все добреют, даже они). — Это хорошая история!

— Хорошая.

— У нее хороший конец!

— Очень. Только в ней нет ни капельки снега. В этом городке вообще никогда не видели снега.

— А что в нем видели?

— Пыль. Видели пыль и мечтали о цветах.

— Вот что. Ты валяй пиши о цветах и поменьше — о пыли. Как никак снег за окном...

— Но я не могу обойтись без пыли!

Сотрудники редакции фыркнули и ушли. А я решил все-таки записать эту совершенно летнюю и совершенно праздную историю.

ИТАК, история эта — о цветах, но началась она действительно с пыли. Такой толстой, пуховой пыли никогда не видели москвичи. В пыли прямо на улице лежал верблюд. Он был старый и поношенный — точь-в-точь, как полушубок на сгибах. Черепашья его голова медленно покачивалась в такт снам.

И вот в этом-то городке звезжая балерина вывихнула ногу. Она лежала в доме с плоской крышей, смотрела на пустую улицу, на верблюда и старалась не разреветься.

С Иринкой-балеринкой мы были знакомы давно. Когда-то она жила в Москве на Сретенке, мы часто встречались у кино «Уран»: она ходила туда со своими девчонками, я — со своими мальчишками. Потом она выросла, уехала из Москвы и больше я ее не видел.

В город А. я приехал в командировку. Помню, был первый вечер, закат. В городском саду из дюжины пыльных деревьев вздыхал духовой оркестр. Я стоял на ступеньках местного клуба, курил и без энтузиазма думал о том, что меня ожидало: «Аршин мал алан» в исполнении звезжей труппы музкомедии.

И вдруг мимо с чемоданчиком пробежала Иринка-балеринка. Мы обрадовались друг другу, как только могут обрадоваться двое знакомых в незнакомом городе. После спектакля она познакомила меня со своими товарищами. Они оказались молодыми и способными. Иринка — по-настоящему хорошей балерной. Не мудрено, что после первого спектакля жители городка начали раскупать все билеты в свой обширный, обычно полупустой клуб.

И вот Иринка на сцене вывихнула ногу. Спектакль пришлось прекратить. Мы снесли ее в машину, привели из гостиницы заспанную девочку, приехавшую в город на медицинскую практику. Иринка плакала розовыми от грима слезами.

Утром я пришел навестить ее. Мы посидели молча. Она всхлипнула.

— Ты что?

— Надоело все.

— Что — все?

— Верблюд.

Я выглянул в окно. Верблюд спал.

— А чего ты хочешь?

— Цветов.

Она наконец разревелась, и я тихо вышел. Дело было, конечно, не в верблюде и не в цветах. Мы все понимали, что такое для балерины травма ноги. И все-таки я пошел доставать цветы.

Обойдя улицы, я понял, что никаких цветов здесь не достать. Лишь в одном окне над вывеской «Чайная» царственно расположился куст герани. На рынке из цветного была, кажется, только капуста.

Иринкина хозяйка посоветовала пойти в пригородную слободу: там, по слухам, одна вдова разводила цветы. Вдова выслушала меня и покачала головой: нет, цветы погибли год назад из-за песчаных бурь. Семена она брала когда-то в зеленхозе.

Зеленхоз я разыскал на другом конце городка. Пока я брел туда, пошел дождь, не являвшийся два месяца. Мокрый и измученный, я добрался до заведующей и напугал ее своим видом и своей просьбой. Заведующая — кругленькая, в желтом платье — была похожа на сказочную репку.

— Цветы? Чего захотели... Куда они в нашей-то пылище! Деревья — и те еле выживают. Правда, мы тут посадили для себя...

Она провела меня за сараи, мимо бурых грядок с клубникой, и я увидел куст сирени и тонкую грядочку золотых шаров.

— Все-таки красиво, правда?

Конечно, это было красиво. Сирень распушилась после дождя, сверкала тысячью цветных капель, и тихо сияли золотые шары. Я потянулся к ним, но репка наотрез отказалась продавать цветы. Потребовалось целых полчаса уговоров, словесной эквилибристики и лирической демагогии. Денег репка не взяла.

Я возвращался триумфально. Люди оглядывались на улицах. Девчонки неотступно брели за мной и клянчили «цветик». Худая корнчевая старуха, остановив, выспросила у меня все: откуда, зачем, кому несу...

— Это знакомой, — я почему-то застеснялся. — Она, понимаете, больна.

— Знакомая-то?

— Да. Она балерина.

— Это та, что ножку сломала? Ах, ах, горе-то какое...

Я принес Иринке букет, и она наконец повеселела. Весь вечер мы сидели у нее и рассказывали, какие орхидеи растут в Бразилии. Однажды краем глаза я увидел на улице худую старуху, заглядывающую в окно.

А наутро случилось чудо. Иринкина хозяйка, встав, обнаружила на пороге букет сирени и золотых шаров. К букету была пришпилена записка: «Поправляйтесь».

Через час второй букет принес железнодорожник в пыльном кителе. «Чтобы не скучала у нас», — пояснил он. Третий букет я увидел сам, направляясь к Иринке. Его тащили два школьника с подозрительно постными лицами.

— Где взяли?

— В зеленхозе, — ответили они, отводя глаза. — А что, подумаешь...

Так началась эта история с цветами, о которой мы, ее свидетели, до сих пор не можем вспомнить, не волнуясь. Букеты, букетики сирени и золотых шаров несли днем и вечером. Сиреневый куст грозил похитителям обломками веток. На грядке золотых шаров чернела голая земля. Репка не могла помешать разграблению — я может быть, не хотела.

И тут наступил конец. Цветов больше не было — по крайней мере в радиусе полусотни километров от городка. Но люди шли. Пришла девочка, принесла кустик крашеного ковыля. Пожилая женщина, не принеся ничего, повздыхала у иринкиной постели и вдруг сказала:

— Между прочим, у меня пацаны каждый день ноги вывертывают — и хоть бы что. Плевое дело!

А через день мы обнаружили на иринкином подоконнике жирный куст герани, аккуратно срезанный ножницами. Голубой муаровой лентой он был привязан к коробке шоколадных конфет «Олень».

Вот, собственно, и все. Иринка поправилась, гастроли закончились, мы вместе уехали из этого городка.

Друзья-журналисты, позже проезжавшие городок, говорят, что заметили в нем одно любопытное изменение. Там и сям у домов появились крохотные палисадники, а в центре под окнами вторых этажей (выше зданий в городе нет) — деревянные ящики, засаженные золотыми шарами. И еще говорят, что верблюдов теперь с улиц гонют — берегут цветы.

И теперь с цветами встречают Новый год. А вот снега в городе так и не бывает — и не предвидится на ближайшее тысячелетие. Одна пыль — пыль даже под Новый год, черт бы ее побрал...

У АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

Наталия САЦ

Издательство «Искусство» готовит к печати новую книгу известного советского режиссера, создателя советского детского театра Наталии Ильиничны Сац «Новеллы моей жизни». Сегодня мы публикуем отрывки одной из глав, рассказывающей о встречах автора книги с великим ученым современности Альбертом Эйнштейном.

СКОЛЬКО РАЗНОГО ВСТРЕЧАЕШЬ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ! ИДЕШЬ, ИДЕШЬ ВПЕРЕД, И ВДРУГ ЗАСИЯЕТ ПЕРЕД ТОБОЙ ОДИН КАМЕНЬ — ОГРОМНЫЙ И ДРАГОЦЕННЫЙ, ВОСПОМИНАНИЕ О КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ СОХРАНИТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ. ДАЖЕ ПОЧВА, ТРАВИНКИ, ЧТО СОПРИКАСАЛИСЬ С НИМ, СОХРАНЯЮТ В РАМЕ ТВОИХ ВОСПОМИНАНИЙ КАКОЙ-ТО ОСОБЕННЫЙ АРОМАТ...

МОЯ постановка «Фальстафа» зазвучала на сцене берлинской «Кроль-оперы» весной 1931-го.

Я иду по улице. Мальчик продает вечернюю газету. На первой странице моя смеющаяся физиономия, рецензия о «Фальстафе», подзаголовок «Успех первой женщины-режиссера».

Вот и величественное здание «Кроль-оперы» с разушко распахнутыми дверями. Вхожу в ложу. Аплодисменты. Это Отто Клемперер появился в оркестре и идет к дирижерскому пульту. Взмах его волшебной палочки — и зал во власти ликующего жизнелюбия Верди — Шекспира.

Антракт. Я у себя в закулисной комнате. Надо объявить завтрашнюю репетицию. Склоняюсь над столом, слышу, кто-то входит. Говорю нетерпеливо: «Одну минуту. Сейчас допишу».

«Не торопитесь», — отвечает мужской голос удивительно приятного тембра. — «Мы хотим сказать вам, что спектакль, даш, нам нрзвится и немы ваши сродни Шекспиру». Кто это с таким приятным звуком голоса? Поднимаю глаза: пожилые мужчина и женщина. Она невысокого роста в темном платье с белым воротничком, с приветливой улыбкой, он... Где я видела эти черные, одна выше, другая ниже, словно в пляске, брови, большие карие смеющиеся и такие лучистые глаза, мягкий подбородок, высокий лоб, черно-седые волосы, которым, видимо, очень весело и свободно на этой голове? Галстук бабочкой, обжитый пиджак...

Я еще не могу отключиться от мысли о завтрашней репетиции, двоюсь между ней и вошедшим. Говорю привычное: «Простите...», но он весело выручает меня: «Позвольте вас познакомить с Ильзой — женой Эйнштейна». Она протягивает мне приветливую руку, и ей тоже. И вдруг, уже не знаю как, задаю идиотский вопрос: «А почему... вы пришли с женой Эйнштейна?».

«Вероятно, потому, что я тоже Эйнштейн», — отвечает он.

Наутро уже многие знали, что Альберт Эйнштейн посетил новую постановку в «Кроль-опере», что он, видимо, был доволен: аплодировал, много смеялся. А через день ко мне позвонили: «Эйнштейны приглашают вас провести воскресенье у них на даче».

«НУ, ВОТ и пришли», — сказала мой сопровождающий, остановившись у деревянной калитки, такой же, какая была у нас на даче в Серебряном бору. Первое, что я увидела, — грядки клубники, кусты роз, барбариса и картофеля. К калитке подбежала худенькая девушка, чмокнула меня в щеку.

Вслед за Маргот (так звали ее) к калитке подошла фрау Ильза в серо-белом цветастом фартуке поверх вязаного костюма из мягкой шерсти, очень приветливо протянула мне руку и повела меня по направлению к дому; он стоял в глубине сада-огорода, деревянный, двухэтажный, простой и уютный, как его хозяин.

Но до дома я не дошла. Справа, за кустом цветущего жасмина, увидела самого Эйнштейна со шлангом в руке, засияла его улыбка, а вместе с ней все вокруг. «Добрый день! Рад, что вы к нам пришли. Не хотите ли поражиссировать рядом со мной на клубничной грядке?».

В два счета я перескочила через отделявшие меня от Эйнштейна окуречные грядки и канавки с водой, оказалась рядом с ним около клубники. Великий ученый поливал ее из шланга.

«Поливает с математической точностью», — подумала я, принимаясь за прополку. Травы было немало, и оправдать доверие было важнее всего. После нескольких минут молчания он спросил:

«Вы любите... это?» — и показал на землю.

«У Художественного театра была земля на Днепре, в Каневе. Сулержицкий говорил: «Зимой — работа в театре, летом — на земле». И мы, дети Художественного театра...».

«Вы говорите о Сулержицком, который был связан с Львом Толстым?».

«Да, о нем», — сказала я, любуясь его глазами, при свете солнца еще более удивительными. Казалось, от них летят блестящие брызги, которые весело играют с брызгами воды.

...МЫ ВОШЛИ в большую комнату на первом этаже. На подоконниках, шкафу, пианино, повсюду стояли скульптурные работы. Они были выразительны и разнообразны. Чувствовалось, что скульптор хорошо видит и любит людей — их нежность, горести, замечает и смешное. Эйнштейн и Ильза уже сидели за круглым столом и с гордостью смотрели, как внимательно я рассматриваю выразительные глиняные головы матери с ребенком, старика, фавна, волосатобородатую статуэтку. «Все это делает наша Маргот, — сказал Эйнштейн, — не правда ли, талант у нее есть?!». Он снова был весь тут, с нами.

Маргот и Ильза накрывали стол самих. Мне, уже побывавшей в Берлине на приемах, в домах знаменитых артистов, было странно и дорого полное отсутствие прислуги у Эйнштейнов. Они все делали собственными руками.

На столе было много овощей, даже артишоки и спаржа, маринованные грибы, очень вкусные пироги и пирожки, рыба. Я ела и разглядывала комнату. Мебель? Сервировка? Не те слова. Покупали, когда придется, что придется, утилитарно нужное, по частям. Разные тарелки, кружки и чашки, сложенные и складные стулья и табуретки. Только пианино было в чести: вышитая дорожка наверху, другая — на крышке. Из рассказов мне запомнилось, как, делая доклад об атомной теории в Цюрихе, тогда еще молодой Эйнштейн предупредил, чтобы от него не ждала элегантности изложения: «Оставим элегантность портным и сапожникам...».

«Пусть Наташа немножко расскажет нам о Москве. Я ее так полюбила», — сказала Маргот.

«Или еще лучше о театре для детей», — поддержал ее Эйнштейн. Он любил детей. Ему очень понравилась идея детского театра.

«Я верю в большое будущее вашей страны, а без счастливых детей нет будущего. Воспитание радостью, живые образы в противовес школьной скуке — он, как еще много на свете бездарных учителей, которые могут убить веру во все прекрасное. А дети любят искать, сами находить. В этом их сила. Они всегда чувствуют себя Колумбами, не устают удивляться многочисленным чудесам живой жизни. Может быть, самое трудное — научить их понимать других людей, не всегда похожих на тебя, познавать глубину каждого. Мы часто перегружаем детей книгами, впечатлениями, не помогаем им отбирать то главное, что ведет в глубину знаний, в глубину своих собственных мыслей и творчества. Детям, как растениям, нужно гораздо больше свободы, возможности познать самих себя».

Как я была рада, что могу молчать и слушать. Его вопросы тоже были интересны: ставили ли мы для детей Шиллера? Читала ли я письма Марка Твена, в которых он называет детский театр своей самой большой мечтой. Как я отношусь к картине «Броненосец «Потемкин» и режиссеру Эйзенштейну? Почему в детском театре не идет такая поэтичная пьеса, как «Синяя птица», музыку к которой, как он знает, написал мой отец? Большую ли роль в нашем театре играет музыка и часто ли дети в Москве слушают Моцарта?

Моцарт был кумиром Эйнштейна, он говорил о его музыке с таким глубоким проникновением, что я диву далась: физика, математика, литература, музыка — вся культура в одной голове!

И вдруг Эйнштейн вскочил и почти убежал из-за стола.

Ильза налила мне еще чая и ласково зашептала: «Я полюбила Альберта еще маленькой девочкой, когда он играл, и как чудесно играл, на скрипке Моцарта. Да, мы знакомы с раннего детства, ведь он мой троюродный брат».

Я не переставала удивляться в этот вечер:

«Значит, он и на скрипке играет?».

«Ну, конечно, и на рояле тоже. Когда он обдумывает свои теории, ему всегда помогает музыка. Он то уходит в кабинет, то берет аккорды на пианино, потом что-то записывает, потом опять в кабинет. В такие дни мы с Маргот совсем исчезаем из его мира, разве тихо подсунем что-нибудь поесть или подадим галоши. Он может выйти без пальто и шляпы на улицу, вернуться, стоять на лестнице...».

Неожиданно Ильза встала.

Я обернулась и увидела Эйнштейна, который бережно нес скрипичный футляр. Ильза мгновенно очистила место на столе, протерла его сухой тряпкой, подстелила бумагу, и только тогда Альберт положил туда свое сокровище, открыл футляр. «Музыканта можно узнать по отношению к своему инструменту», — говорила композитор Илья Сац, мой отец.

Скрипка жила у Эйнштейнов в большом почете. Даже в футляре лежала «одетая» в серый шерстяной «пуловер» такого же цвета в вязке, как пуловер ученого.

«Значит, Наташа согласна?» — сказал ученый, подходя к пианино, около которого я стояла. — «Мы тут уже почти все русские, давайте играть Чайковского».

Взмах смычка... «Меланхолическая серенада». Начинаем вместе. Тема я бы взяла быстрее, но главное — не разойтись. Играет вдохновенно, вдумчиво звучит каждая фраза, а склонность к замедлениям, верно, средство подчеркнуть меланхоличность этой серенады? Во второй части он устремляется решительно вперед, даже слишком, как мне кажется, я за ним не поспеваю. Играю «Меланхолическую серенаду» в первый раз — не все ноты выигрываю, но это лучше, чем с ним разойтись. В конце наш контакт делается более тесным, и его чувствительные темпы мне даже на руку.

Эйнштейн открывает «Юмореску». Ее играла, знаю. Он тоже знает. Очаровательное лукавство первых тактов, острота ритмического рисунка сменяются широкой улыбкой в музыке, я чувство юмора, очевидно, в жизни и музыке одно и то же.

В «Русском танце» оказалось, что мой солист не каждый день занимается техникой. Но... разве не чудо, что он играет по-настоящему хорошо, полупрофессионально, любит, чувствует, раскрывает музыкальные образы при основной работе... ведь не в оркестре же!

Потом он попросил меня сыграть произведения отца: он только слышал о них, я не сяду музыку. Играла «Синюю птицу», «Miserere». Сыграла «После плакать». Эйнштейну понравилась народная мелодия — основа этого произведения. Он сказал:

«Как бы это хорошо звучало на скрипке».

«А это я написано для скрипки! Сейчас сыграла в своем переложении для фортепиано».

«Мне бы хотелось, чтобы вы дали мне ноты, — сказал Эйнштейн, — я тоже буду играть эту мелодию».

«Можно я напишу вам скрипичную партию сейчас?».

И вот теперь Эйнштейн стал играть с листа. Первую часть «После плакать» он сыграл на удивление выразительно, право, мало кто из профессионалов, окруживших меня в опере, мог играть так заразительно, от «больного сердца». Пусть некоторая «старомодность» в игре Эйнштейна имела место — интонация была точной, бережно-честной.

Во второй, быстрой части двойные ноты ему не удались, я взяла эту на себя, сказала, что неточно почию аккомпанемент.

Мы сыграли еще «Песню без слов», «Ноктюрн». Эйнштейн положил передо мной «Баркаролл» из «Времен года». Я никогда прежде не видела скрипичного переложения этой фортепианной пьесы.

«А Ленин между тем любил слушать это произведение именно на скрипке», — сказал Эйнштейн и рассказал эпизод из времен женевской эмиграции Владимира Ильича, когда он, слушая игру Красикова, под звуки этой музыки мысленно переносился в Россию.

Весной 1933-го московские друзья решили отпраздновать пятнадцатилетие моей работы в театре для детей. И вдруг... письмо от Эйнштейна. Он вспомнил мои рассказы о детском театре, «Фальстафа» в «Кроль-опере», наш музыкальный ансамбль, даже клубничные грядки, и я еще раз подумала: сколько тепла и человечности вмещает это мудрое сердце!

интервью

Как вы встречаете Новый год?

— В Новый год люблю снег, лыжи, санки. В моей Молдавии этого нет, потому часто приезжаю в Москву, к друзьям, и вместе встречаем его в Подмосковье. И на этот раз я снова в Москве, правда, встреча предстоит несколько необычная ... в больничной палате у маленькой елочки (она уже у меня есть) с «бокалом» «Есентуки № 17».

Уходящий год был памятен мне работой. Вернулась из «Метрополитен-оперы», где спела Леду и туда снова приглашена на несколько месяцев и на много названий. Дома были интересные встречи с людьми ... избирателями, любителями музыки...

Желаю всем людям на земном шаре здоровья. У нас, молдаван, не принято говорить: «Желаю здоровья в новом году». Мы говорим: «на долгие-долгие годы». А чаще всего в новогоднюю ночь мы произносим короткое слово: «Нов». Которое вбирает в себя все — и здоровье, и счастье, и радость...

МАРИЯ БИЕШУ,
народная артистка СССР.

— Лучше я вам спою, как я не люблю встречать Новый год в гриме (возможно, пригласят на «Огонек»), на колесах (кажется, предстоят гастроли) в постели (тоже не щадит и актера).

Во всех остальных вариантах готов поднять бокал за ваше здоровье.

ВАХТАНГ (в ансамбле «Орэро» — Буба, в кино — Бейджамен) КИКАБИДЗЕ.
ТБИЛИСИ.

— Встречаю новый 1972 год на своей родине, в старинном узбекском городе Коканде, в кругу многочисленных родичей. И еще я готовлюсь стать... матерью! Матерью на сцене. Много лет исполняла я в опере «Бурян» партию девушки Ангаргуль. Но время — самый взыскательный главреж, и вот в сезоне 1972 года я уже буду петь партию матери этой славной девушки. Как женщину это меня немного огорчает, как актрису — радует.

Мой новогодний тост: за новый год, за новое счастье, за новое искусство!

ХАЛИМА НАСЫРОВА,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР.
ТАШКЕНТ.

— Самое радостное и заветное из новогодних пожеланий — встретить Новый год дома, в своей семье. «Длинная дорога в короткий день» — так называется фильм о беспокойных судьбах умирающих физиков, картина, работу над которой я заканчиваю. Лишь последние месяцы мы вели съемки в Москве, Новосибирске, Серпухове, на Кавказе и Украине, в ГДР и Западном Берлине. Очень много ездил по республике и стране я второй в нашей семье мужчина — молодой ... режиссер Гоиль Кохан: встречается со зрителями своих фильмов «Хлеб и соль», «Живая вода». И, наконец, наш третий мужчина — его сын, а мой внук, маленький Тимош — тоже вовсю принимал участие в кинорежиссерских поисках: что нравится зрителю, но позволю себе мечтать, в будущем, как кинематографист. И вот мы вернулись, мы в сборе. И вместе с нашими мыслями женщинами, умеющими и ждать, и встречать, и снова снаряжать в путь, поднимаем в новогоднюю ночь бокал за трудные и длинные дороги, за успехи в пути и за то, чтобы этот путь всегда приводил нас к родному дому.

ТИМОФЕЙ ЛЕВЧУК,
первый секретарь Союза кинематографистов Украины.
КИЕВ.

ДОМ — МУЗЕЙ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ Музея на основании повального опроса, проведенного на предыдущих новогодних вечеринках, сделал важные выводы.

Хорошо, когда в компании есть интересный человек, способный занять собой всех присутствующих. Когда же его нет или присутствующие равны своей интересностью, бывает чрезвычайно сложно избежать неловкости первых минут. Популярным развлечением в эти неловкие минуты издавна является гадание по книгам. Книга, взятая наугад, раскрывается на любой странице и желающий говорит, например: «Третья строчка сверху». В этой третьей сверху строчке значится его судьба на ближайший год. Гадающий зачитывает строчку:

«...любить она будет вечно, вечно, как обещала...».

(Г. Гейне, т. I, стр. 213).

Все тайно улыбаются. Все довольны. Но бывает, что строчки выпадают не такие уж оптимистические:

«...руки у меня трясутся от слабости: шея, как у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса...». (А. Чехов. «Скучная история», стр. 26).

или

«...отвратность лица и помятение кожи свидетельствуют, что скрытый процесс желтухи перешел в открытый...». (Сборник «Личная гигиена», стр. 64).

В подобных случаях тонус компании сразу падает. Никому не хочется в наступившем году напоминать собой контрабас или бороться с желтухой.

В МЕТОД-КАБИНЕТЕ

Научно-методический отдел «Левой ноги» разработал специальное пособие для новогодних гаданий.

ПОСОБИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО НОВОГОДНЕГО ГАДАНИЯ

...пошарил в карманах и неожиданно обнаружил на самом дне 12 тысяч 641 рубль...

«...выпей хоть глоток, милый!» — умоляла жена, протягивая ему полный стакан...

...хотя и говорят, что годы берут свое, но ей своих лет никто не давал...

...сниматься в кино вместо задержавшегося из-за нелетной погоды Д. Баннониса...

...были настоящие французские сапожки всех цветов, как чулок, облегающие ногу...

...за десять секунд до конца матча наша сборная вела со счетом 5:1...

...Елисейские поля оказались на вид вполне приличными, хотя травы было мало...

...ужасно! — решительно заявил супруг. — Уже неделю ты не покупала себе ничего из одежды...

«...вас люблю!». Наконец-то пришло большое, светлое, настоящее, выстраданное...

...трехкомнатная квартира в центре и автомобиль «Жигули» с теплым гаражом...

ПРИМЕЧАНИЕ. По желанию гадающих список новогодних пожеланий можно дополнить самостоятельно. На новогоднем празднестве сотрудников «Левой ноги» дополненный список занял 641 страницу на машинке через два интервала.

И ТАК БЫВАЕТ...

НАИБОЛЕЕ курьезные случаи в жизни связаны у меня с телевидением. Их было много, но я расскажу только о трех. Однажды в Киеве, много лет назад, я комментировал игру между местным «Динамо» и одной из приезжих команд. Ассистент режиссера сказал, что сигнал о начале репортажа он подаст мне, махнув рукой с крыши центрального павильона. Вот он махнул, и я начал говорить. Прошло минуты полторы, ассистент подбегает к окну комментаторской кабины и кричит: «Звук не пошел, ждите нового сигнала!». Подождал, начал снова. Опять та же история. И так еще раза три: картинка идет, звука нет, а тут уж и гол забили. Я рассердился и, забыв о включенном микрофоне, довольно крепко выругался. И сразу же обмер: а что если на этот раз звук «прорезался»? Хулиганство в эфире!

Но неисправность аппаратуры, к счастью, была стойкой. А когда звук, наконец, пошел, я сам еще некоторое время не мог слова вымолвить, не мог прийти в себя от пережитого.

Вообще нет, наверное, спортивного комментатора, у которого не возникало бы сложных отношений с техническим персоналом ТВ, считающим основой передач именно себя. Может быть, технический персонал и прав (если учесть общий уровень спортивного ТВ), но и его работа подчас не безупречна. Как-то я вел репортаж с состязаний по гимнастике из московского Дворца спорта. Столик с микрофоном стоял неподалеку от помоста, и не успел я сказать несколько слов, как ко мне подбежал кто-то из техперсонала и попросил немедленно выключить микрофон. На лице его был написан ужас.

— Вы говорите одновременно с судьями-информаторами, ваши голоса сливаются, ничего не понять!

— Как же быть? — спросил я.

— Говорите, когда информаторы молчат!

— Но позвольте... начал было я и увидел, что говорю в пустоту: гонец техперсонала исчез так же быстро, как и появился.

Что делать? Положение мое было нелепейшим, ибо два судьи-информатора, сменяя друг друга, почти не умолкали. И тогда я решил объясниться с технической службой через эфир. Подсчитав, сколько секунд длятся перерывы между включениями судей-информаторов, я скороговоркой извинился перед телезрителями за то, что не могу вести репортаж, и выразил надежду, что звукотехники быстро справятся с этой проблемой. И через несколько секунд представитель технических сфер появился передо мной с еще более искаженным лицом.

— В чем дело? — строго спросил я.

— Да вы... Да мы... — Он был вне себя от ярости.

Тут снова образовалась пауза, и я, опять-таки скороговоркой, сообщил телезрителям, что рядом находится компетентное лицо из технической службы и обещает обеспечить нормальный ход репортажа.

И что же вы думаете? Через несколько секунд все было в порядке.

И еще курьез, но уже по моей вине. Я работал в то время в редакции «Советского спорта», исполнял одновременно обязанности ответственного секретаря и редактора отдела футбола, а к тому же каждую неделю выступал в телевизионной передаче «Голы, очки, секунды» с футбольными обозрениями. Работы было много, болело сердце, плохо спал, и врач посоветовал мне три раза в день принимать бром. У меня было две бутылочки, и одну из них я носил с собой. Считать капли было лень, и я пил бром из горлышка. Здоровье улучшалось. И вот, едучи как-то из редакции на телевидение, я по дороге хлебнул брома. Машина в этот момент резко затормозила, и глоток показался мне чересчур большим. Но я не придал этому значения. Приехал в студию, сел за стол. Передача началась, а я сижу и молчу. Передо мной бегают, машут руками, но я не понимаю: к чему бы это? Наконец, кто-то пропал от хронометров к столу и сильно дернул меня за штанину. Только тогда я пришел в себя и начал говорить. Но ощущение, что меня напрасно потревожили, не покидало меня до конца передачи.

Аркадий ГАЛИНСКИЙ.

Арутюн Акопян:

ЧУДЕСА — ДА И ТОЛЬКО!

ГОВОРЯТ, что под Новый год случаются всякие чудеса. Но будут они, не будут — это еще неизвестно — не лучше ли самому их поискать... И вот вокруг меня неподвижно замирают в воздухе разноцветные платки, а из моего собственного кармана — клянусь, что там ничего не было,— вытаскивается целый ворох всякой всячины, вплоть до кусочка праздничного торта. Одним словом, спешу задать первый вопрос народному артисту Армянской ССР Арутюну Амаяковичу Акопяну.

— Что, на ваш взгляд, самое главное в профессии фокусника?

— Не знаю. Вероятно, то, что доставляешь людям радость удивления. Для меня это великое слово — «удивление».

— Интересно, а вас кто-нибудь заставлял удивляться?

— Иногда, но очень редко, меня удивляют в магазине. Сверху кладут изумительные яблоки, ягоды, снизу они почему-то намного хуже. Только пусть на меня, пожалуйста, не обижаются милые моему сердцу работники прилавка. Во-первых, кончится год, и все эти недостатки, конечно же, уйдут в прошлое. А, во-вторых, стоит ли обращать внимание на недоброжелателей. У меня самого их много.

— Кто, например?

— Ну, хотя бы мои противники показа фокусов с картами... Говорят, будто они напоминают азартные игры. Значит, выходит, фокусы со стаканом напоминают о пьянстве? Фокусы с картами очень эффектны и в то же время предельно просты... Я их очень люблю... Ну, а в жизни я не играю даже в элементарнейшего «подкидного»...

— А во что вы любите играть?

— Очень люблю играть... на пианино. Но это остается только любовью, ибо играть я не умею. Моя жена Лия Акопян — солистка Москонцерта, — вот она и держит марку сразу за нас двоих. Играю в настольный теннис. Мой старший сын Аманк — спортсмен-разрядник и, к моему большому удовольствию, уже сейчас неплохой манипулятор. Немного играю в шахматы.

— Раз у нас сегодня сплошные чудеса, то в порядке очередного чуда: представьте, что вы играете в шахматы с Остапом Бендером...

— У него-то я бы выиграл очень просто. Беру пальцами одну фигуру, ладонью передвигаю другую... Великому комбинатору со мной лучше не садиться. Или пусть сразу соглашается на ничью.

— Самый симпатичный ваш сатирический персонаж — не Бендер ли?

— Нет, Хлестаков. Он, по-моему, был неплохим манипулятором. Правда, зритель у него был никудышный.

— А зритель может повлиять на ваше выступление?

— Перед каждым выходом на сцену я сильно волнуюсь. Зрителя сейчас — в век всемогущей техники — ничем не удивишь. Но минуты через три все проходит. Техника техникой, а голова, кажнявсь, остается головой. А без нее манипулятору на сцене делать нечего. Даже если руки в блестящей форме. Так вот, на меня действует зритель, который пришел на представление, как это говорят... в нетрезвом состоянии. Он меня почему-то всегда отвлекает. А мои движения должны быть абсолютно уверенными, безупречно точными, только тогда трюк будет исполнен легко, как бы шутя. Если, конечно, вдобавок к этому работаешь и работаешь...

— Сколько часов в день?

— По четырнадцать. Каждый день. Вот сколько мне пришлось работать! И только для того, чтобы отказаться от всякой аппаратуры. В век техники техникой не удивишь. Тогда я и решил положиться только на ловкость рук.

— Как вы начинали?

— О, это было так давно! В 1972 году 25 апреля будет 30 лет, как я на сцене. До этого о ней не думал, не гадал.

— И кто же этому стал виною?

— Все те же чудеса. Закончив строительный техникум в Ереване, я стал студентом землеустроительного института в Москве. Случайно в Театре миниатюр — сейчас там Театр имени Ермоловой — увидел фокусника и был ошеломлен. Втайне от всех стал заниматься... Вот так, фокусничая, получил диплом инженера-аэрофотогеодезиста. Ну, а в 1942 году по конкурсу был принят в Москонцерт. И с тех пор учусь и учусь секретам невероятного.

— Учитесь! И это говорите вы, владелец первого приза международных соревнований иллюзионистов в Коломбо, обладатель золотой медали «Гранпри» в Париже, вы, являющийся почетным...

— Пожалуйста, хватит перечислений. Не забывайте про мудрую русскую пословицу: век живи, век учись... Лучше я вам расскажу про один фокус, который я увидел, который жжет мое сердце и который я никак не могу разгадать. Заодно обращаюсь с просьбой ко всем читателям газеты: может, они мне чем-то помогут. Один итальянец (он умер) выходил на сцену, где стоял столик с пепельницей. Фокусник доставал из кармана портсигар, брал из него папиросу, закуривал и щелчком выбрасывал ее точно в пепельницу. Спускался в первый ряд, снова закуривал и снова щелчок, и снова — она в пепельнице. Шел в 5-й ряд. Щелчок — папироса в пепельнице. Потом 10-й ряд, 15-й и, наконец, последний. Эффект тот же самый. Папироса по идеальной дуге попадала точно в пепельницу на сцене. Как он это делал? Видимо, секрет в составе, из которого были сделаны эти папиросы. Что это за состав?.. Я бессилен даже что-нибудь предположить. Да, иллюзии век живи, век учись. Рядом — абсолютно ясное и невероятное, смешное и грустное...

— Точно, как наша с вами беседа... Редакция поручила взять шутливое новогоднее интервью, а у нас с вами драмы, загадки...

— Я все же как никак почетный член «магического круга», должно же быть во мне хоть что-то загадочное, серьезное. Ну, а что касается редакционного задания, то придется рассказать вам одну историю. Правда, она опять-таки скорее трагическая, но что я могу поделать?

Так вот, однажды жена послала меня купить одно яичко. За яйцами была большая очередь, и я попросил разрешения взять одно яичко, всего одно, без очереди... Мне разрешили, и я, чтобы отблагодарить, решил немного пошутить. Взял у продавца одно яйцо, вроде бы нечаянно разбил его, а оттуда — золотое колечко. Извиняюсь, прошу второе. Снова разбиваю его и достаю двадцатипятирублевую купюру. Продавщица даже присела от удивления. Тут же прошу третье. Разбиваю — там десять рублей. В общем пошутил, заплатил и ушел. Эта самая продавщица сразу же после меня вдруг объявляет перерыв и что, вы думаете, начинает делать?

— Разбивать яйца?

— Точно. Потом кинулась за мной с милицией, поднялся скандал. Пришлось заплатить за все разбитые ею яйца. А надо вам заметить, что разбивала она их удивительно быстро. Вот вам еще одно доказательство волшебной силы искусства.

— Выходит, Арутюн Амаякович, несмотря на все ваши «магические» титулы, шутить вне сцены вы все же любите.

— Выходит, люблю. Люди от неожиданной шутки становятся мягче, добрее, красивее... И вообще я стремлюсь обманывать красиво. Красиво и честно...

Беседу вел Е. ФАДЕЕВ.

ИЗ ПЕРВЫХ

Как вы встречаете Новый год?

— Странное дело, раньше только в студенческом общежитии, только в совершенно незнакомой компании: Новый год — так, чтобы все было новым! А сейчас — в узком кругу, дома, с близкими, друзьями. Не хочется увидеть в этом признак приближающейся старости: Новый год, конечно, новый, но ведь и еще один в бесконечной летописи времени.

Мне самому сейчас хотелось бы «поскоморошить», но не получается — мысли заняты другим. В самом начале года — большая гастрольная дорога длиной в два с половиной месяца. Вместе с Людмилой Зыкиной, Русским народным оркестром имени Осипова.

Конечно, будем ставить елку. И не спать ночь, провожать старый, встречать новый.

Пожелал бы себе подольше сохранить молодость и свежесть. Доугим — успехов, здоровья, добра, счастья.

ЮРИЙ ГУЛЯЕВ,
народный артист СССР.

КИЕВ.

— Если я скажу, что новогоднюю ночь я проведу за рабочим столом, то я вы, и читатели этому могут и не поверить, но это святая правда. Вот уже третий Новый год я встречаю за рабочим столом, конечно, оторвавшись от него на несколько минут для поиема заповной чарки, которую я пью за счастье, за удачу. Можно назвать меня суеверным, но у меня есть примета: встретил Новый год новой работой — год этот сложится счастливым, трудовым, так что я боюсь спугнуть эту удачу.

В эту новогоднюю ночь я буду завершать перевод на русский язык последней страницы своей новой пьесы, которую я обещал прочитать в Театре сатиры в первых числах января. А обещание надо выполнять.

Теперь, когда пьеса закончена, можно сказать: это комедия на сельском материале, это сегодняшние проблемы колхозной деревни, сельской молодежи. В фокусе замысла — сложные и подчас пикантные обстоятельства, в которых оказывается председатель колхоза Карвай. У этого моего героя есть прототип — яркий, самобытный и интересный человек, с которым я дружу, с тревогой и надеждой жду его суда над моей работой.

Андрей МАКАЕНОК,
драматург.

МИНСК.

— Среди многих праздников особенно люблю этот. Может быть, потому, что это зима, елка, снег. Может быть, потому, что напоминает он детство, когда умеешь радоваться, удивляться, открывая для себя мир. По-моему, Новый год всегда вселяет новые надежды.

Люблю сидеть дома, в семье. Никуда не отлучаться. Сидеть у елки. А потом можно выйти на улицу, покататься в сугробах, покататься на санках.

Случается, конечно, встречать Новый год в отъезде, приходится развлекать других, поздравлять других. Но чаще всего все-таки дома.

Хочется, чтобы Новый год принес мне новые поездки по стране, новые встречи с незнакомыми людьми.

А всем хотел бы пожелать счастья и мира. Чтобы в каждой семье были мир и покой. Когда в семье мир и покой, значит, счастливы и жены, и матери, и дети.

ЕРМЕК СЕРКЕБАЕВ,
народный артист СССР.

АЛМА-АТА.

— Ну, знаете, разнообразно. Каждый год. И в театре, и в компаниях... На этот раз хочу быть в кругу семьи.

Правда, для нас, оперных артистов, встреча каждого Нового года традиционна: поем «Травиату» — ведь 31 декабря много-много лет назад первой постановкой именно этой оперы открылся детский театр.

И билеты на традиционный предновогодний спектакль достать практически невозможно.

Что я могу пожелать коллегам? Наверное, то же, что и себе. Упорства, еще более серьезного отношения к своему делу.

Виргиниус НОРЕЙКА,
народный артист СССР.

ВИЛЬНЮС.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Феликс КУРИЦ

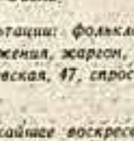
Театр, стремящийся возродить народные традиции, приглашает на работу зазывалу.

Оперному театру требуется: натуральный волос, натуральный голос.

Даю уроки иностранных языков: английский, французский, немецкий, язык Эзопа.

Консультации: фольклор, забытые выражения, жаргон, по адресу: Калиевская, 47, спросить дворника.

В ближайшее воскресенье парк культуры и отдыха будет работать только для отдыха.



Продам редкую фотографию: Шекспир с дочерью.

Мебельная фабрика № 8 производит изготовление пианино и роялей по чертежам и из материала заказчика.

Поэт ищет няню, знакомую с фольклором.

Конферансье срочно купит сборник анекдотов XVIII века.

Театр миниатюр меняет бинокли на микроскопы.

В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ

ПЕРЕД самым рассветом, в зале заседаний Ученого совета, по старой доброй традиции был устроен

БАЛ-МАСКАРАД.

Здесь стар и млад запросто, без чинов и званий нарядились в платья с чужого плеча (материалом послужили подшивки газет ушедшего года) и неможно в них пощеголяли на добрую потеху. А строгое жюри придирчиво оценивало каждый наряд и присуждало призы.

ОТМЕЧЕНА БЫЛА ГРУППА, НАХОДЯЩАЯСЯ В ХОРОШЕЙ СПОРТИВНОЙ ФОРМЕ.

ДРАМА ИЛИ КОМЕДИЯ?

Это была генеральная репетиция перед большим новогодним турне двух наших прославленных коллективов. С действующими лицами мы познакомились в трех увлекательных действиях ледовой премьеры. Когда сюжет матча достиг кульминации, наступила драматическая развязка. Дебютант Сидоров, бывший героем этого эпизода, после ряда точных реплик партнеров начал свой горький монолог с шайбой. Но талантливому исполнителю не удалось раскрыться. В который раз мы наблюдаем знакомую сцену. Защитникам поручается незавидная роль за кулисами большого спорта. «Бить или не бить соперника?». И они бьют, хотя ни аплодисментов, ни званий мастеров на этих ролях не заработаешь. Штрафной бросок — булит решил под занавес исход встречи.

Вот вам решения на скучную драматургию этого матча.

ИЗВЕСТНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ ВНЕСЛА ГРУППА, ПОЯВИВШАЯСЯ ВО ВЗЯТЫХ НА ПРОКАТ ВЕЧЕРНИХ ТУАЛЕТАХ. ГРУППА ИЗОБРАЖАЛА НЕЧТО ВЕЧЕРНЕЕ.

А именно

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

РОДИЛСЯ МАЛЬЧИК. ВСЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ЕГО ВЕС — 2 кг 700 г — НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ЕГО РОСТУ — 57 см. ТАК ЛИ ЭТО?

А. БОБОЕДОВ.

ОТВЕТ действительного члена-корреспондента т. Шевро. Картину, которую мы сегодня наблюдаем в родильных домах, народ точно назвал «демографическим взрывом». Ваш вопрос — следствие этого «взрыва». Широко бытующее представление, будто для определения нормального веса человека нужно от его роста в сантиметрах отбросить первую цифру, справедливо лишь отчасти. Нормальный человек ростом 101 см может, конечно, весить 81 кг. Но в вашем случае рост выражается двузначным числом, от которого отбрасывать практически нечего. Разумеется, что юноша ростом 237 см вряд ли должен весить 37 кг.

НА БАЛКОНЕ КООПЕРАТИВНОЙ КВАРТИРЫ ЗАДУМАЛ ВЫРАСТИТЬ ДЫНЮ. ПРАВЛЕНИЕ ВОЗРАЖАЕТ ПРОТИВ ЭТОГО ЭКСПЕРИМЕНТА. МОГУТ ЛИ МЕНЯ ВЫСЕЛИТЬ?

А. БОБОЕДОВ.

ОТВЕТ председателя коллегии т. Цуцулинского. В южных республиках нашей страны дыню справедливо называют «королевой бахчи». Мякоть этого плода сочна, ароматна, богата витаминами, приятна на вкус. «Наслаждусь!» — говорит о ней герои книги В. Катаева «Белеет парус одинокий». Однако правление кооператива, со своей стороны, имеет право принять любые меры, вплоть до выселения, если будет бесспорно установлено, что ваша дыня своим запахом, цветом или звуком причиняет беспокойство соседям.

СОБРАЛИСЬ УЧИТЬ СЫНА ИГРЕ НА СКРИПКЕ. СЛЫШАЛИ, ЧТО ЗАНЯТИЯ НЕ СЛЕДУЕТ НАЧИНАТЬ РАНЬШЕ СЕМИ ЛЕТ. ИНАЧЕ У РЕБЕНКА ШЕЯ МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ ИСКРИВЛЕННОЙ. ТАК ЛИ ЭТО? МОЖЕТ БЫТЬ, СЛЕДУЕТ ПОПЕРЕМЕННО ИГРАТЬ НА СКРИПКЕ РАЗНЫМИ РУКАМИ?

А. БОБОЕДОВ.

ОТВЕТ профессора кафедры скрипки т. Мамина. Ежегодно в консерваторию поступают одаренные посланцы со всех концов страны, подружившиеся со смычком в самом раннем возрасте. Однако все это здоровые люди без малых бы то ни было патологических изменений. Что же касается попеременной игры на скрипке разными руками, то она в мировой музыкальной практике до сих пор не применялась.

МНОГО ЛЕТ ЯВЛЯЮСЬ ПОДПИСЧИКОМ ВАШЕЙ ГАЗЕТЫ, ПОСТОЯННО СОВЕТУЮСЬ С НЕЙ, КАК С ДРУГОМ, ПО ЛЮБОМУ МЕЛКОМУ ВОПРОСУ. ИНТЕРЕСНО, ПОЧЕМУ МНЕ ЛИЧНО ОТКАЗАНО В ПОДПИСКЕ НА БУДУЩИЙ ГОД?

А. БОБОЕДОВ.

ОТВЕТ редакции. Решили сократить тираж на один экземпляр.

НАШЛИСЬ В МУЗЕЙНОМ КОЛЛЕКТИВЕ И УМЕЛЬЦЫ, КРАСИВО ДЕКОРИРОВАВШИЕ ЕЛОВЫЕ ТАБУРЕТКИ ПОД ПОЛУКРЕСЛА МАСТЕРА ГАМБСА. ПОЛУЧИЛСЯ БЫ ВПОЛНЕ БЫ КЛУБ, ГДЕ ПРОДОЛЖИЛСЯ БАЛ-МАСКАРАД.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Новогоднее интервью с Главным инженером и техником-смотрителем человеческих душ.

Наш корреспондент 31 декабря во время полуночного боя часов нашел, наконец, место и время, чтобы задать прозаику Д. Ж. вопрос: «Что же дальше?».

«Дальше — больше! Нам, видным прозаикам, в праздники нелегко — честно поделился своими писательскими докуками Д. Ж. — Приглашения, интервью, фуршеты... Не скрою, что я почти с колыбели набрасываю мемуары. В рукописи уже сейчас много интересных портретов (в основном фотографических), метких характеристик (с мест работы), афоризмов (из протоколов), писем (в разные инстанции) и записок (докладных и объяснительных). Словом, рукопись так и дышит современностью. Более пространно говорить об этой работе я избегаю. На днях знакомый, с которым я поделился своими творческими позывами, довольно бестактно спросил меня: дошел ли я в своих мемуарах до того дня, когда взял у него в долг 85 руб? Естественно, что теперь я вновь вернулся к пересмотру глав о детстве. Однако, — тепло заметил прозаик, услышав двенадцатый удар часов, — вы предпочитаете «Першовку» или «Солнцедар»?».

«С Новым годом!» — находчиво ответил наш корреспондент, вложив в эту фразу все, что накипелось в душе у читателей.

В ФОЙЕ

Тест — изобретение нашего века.

Тесты печатаются во всевозможных журналах, передаются из уст в уста.

При помощи всевозможных тестов легко выяснить деловые качества человека, определить основные черты его характера, узнать, умный человек или дурак, и даже предсказать, что ждет его впереди.

Сотрудники «Левой ноги» (в основном пытливая молодежь!) разработали тест, который, несомненно, окажется полезным многим, подскажет им верную линию поведения в Новом году.

Этот тест — новогодний подарок «Левой ноги» всем своим посетителям.

Итак, друзья, перед вами тест, который мы называем

НАШ 1972-й

На все вопросы, приведенные ниже, вы должны дать односложные ответы: «да» или «нет».

1. Охотно ли вы играете на арфе?

2. Возникает ли у вас желание иногда съехать по перилам?

3. Хотели бы вы, чтобы в неделе было одиннадцать дней?

4. Думаете ли вы, что можно много сделать, если действительно взяться за дело?

5. Считаете ли вы, что основная причина разводов — брак?

6. Семь раз вы примеряете или отрезаете с первого раза?

7. Всегда ли вы отвечаете по телефону, что вас нет дома?

8. Согласны ли вы с поговоркой: «Поживем — увидим»?

9. Ваша жена (муж) заявляет вам, что давно любит другого (другую). Что вы делаете: начинаете рвать на себе волосы?..

10. ...спокойно говорите, что вы давно об этом мечтали?

11. Верите ли вы, что Салтыков и Щедрин — одно и то же лицо?

12. Партнер объявляет шесть взяток, имея на руках восемь. Прав ли он?

13. Кажется ли вам естественным, что в футбол играют ногами?

14. Увлекаетесь ли вы хотя бы одним из перечисленных занятий: квашением капусты, обдиранием обоев, чечеткой?

15. Раздражают ли вас люди, не знающие ни слова по-португальски?

16. Нравится ли вам извлечение квадратного корня?

17. Мечтали ли вы в детстве стать кентавром?

18. Хотелось ли вам быть мальчиком?

19. Хотелось ли вам быть девочкой?

20. Можете ли в течение трех секунд подобрать рифму к слову «Мефистофель», кроме слова «картофель»?

21. Имеете ли вы обыкновение шить к свадьбе новый туалет?

22. Помните ли вы третью часть Второго концерта Шопена для фортепиано с оркестром?

23. Хотели бы вы иметь собственный бульдозер?

24. Вы решили украсть чужой автомобиль. Кажется ли вам забавной эта идея?

25. Считаете ли вы, что красными чернилами заправляют авторучки только люди исключительно внимательные?

Итак, вы ответили на все вопросы. Положительный ответ дает вам два очка, отрицательный — одно. Подсчитайте сумму ваших очков.

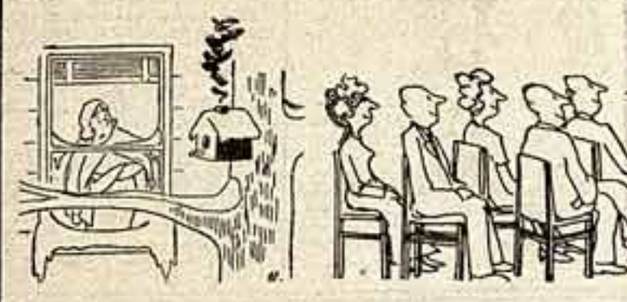
Если она будет превышать 50, то в Новом году смело беритесь за любое дело. Успех вам будет сопутствовать.

Если сумма будет меньше 35, в Новом году вам следует остерегаться инфекционной желтухи, воздерживаться от употребления алкогольных напитков и не бриться лезвиями «Балтика».

С Новым годом, друзья!

Под охраной Дм. ИВАНОВА и Вл. ТРИФОНОВА

ДОМ-МУЗЕЙ «ЛЕВАЯ НОГА»



ПРИГЛАШАЕМ В ЭКСПЕРТЫ

Уважаемые эксперты!

Для вас, успешно преодолевших все 19 туров прошлогоднего конкурса, сегодняшнее задание — сущий пустяк. На новогоднем карнавале, изображенном Валентином Розанцевым, есть персонаж, которого вы должны отыскать. — Снеговик. Опытные эксперты, конечно, уже обнаружили его. Поэтому приглашайте к столу своих родственников, знакомых — всех, кто пришел к вам в этот праздничный день,— и предложите им попробовать свои силы. Если они отыщут Снеговика — смело рекомендуйте им участвовать в нашем новом конкурсе экспертов, который мы начинаем в следующем субботнем выпуске «Круга знакомств».

ЕСЛИ БЫ СУЩЕСТВОВАЛ ЧЕРТ...

С. ОЛИН

Спят, понимаешь, на спектаклях, а потом пишут всякие для меня обидные письма. Никакого уважения к живому классику. Хоть помри!

Опять исчез Нечистый, а потом появился и стал нервно нахлестывать хвостом себя по мохнатым бедрам.

— Не могу я зрителей приструнить. Увы! Не схватить их дьявольским бесовским влиянием.

— Жаль, — сдержанно промолвил Нисов и поджал губы. — В таком случае очень сожалею... Наш договор аннулируется. И вообще. Что это вы мне, милейший, «ты» говорите? Вроде бы я с вами на заседаниях художественных советов вместе не сидел!

Бледное исчадие ада почувствовало колотье в боку, глазищи его налились яростью и фосфоресцирующим блеском.

— А вы меня не пугайте, — тоже рассердился Нисов. — Не страшно. Если хотите знать, я теперь и без зрителей прекрасно проживу!

— Бреннененнс! — взревел дьявол. — Всех льгот и привилегий лишу!

И кинулся лишать.

Но режиссеры теперь драматурга Нисова боялись как огня. Во всех театрах пьесы Нисова были расписаны в репертуарные планы на много лет вперед. Еще бы, живой классик! Из докладов фамилию Нисова исключить можно было начерно — подумаешь и ей. Критикам тоже не резон менять свои взгляды на творчество Нисова — меняли уже, и не однажды, хватит! А зрителя по-прежнему спали на спектаклях...

Заплакал горькими слезами Нечистый и, окутавшись клубами серного дыма, провалился в себя в преисподнюю...

А драматург Нисов и поныне живет напряженной творческой жизнью. Иной раз кто-нибудь в кулуарах усомнится, шепнет приятелю: мол, как это так, совсем крохотный драматург, а ходит чуть ли не в классиках! Уж не повелся ли он с Нечистым?!

И слышит в ответ.

— Да, странная история. Существовал бы черт, я б сказал, что это его штучки. Но ведь черти — вздор... а в докладах, чтоб упоминали в числе самых самобытных и ярких мастеров...

И с этой труднейшей задачей справился сатана.

— Ну-с, дорогой клиент, теперь подавай душу.

— Прежде зрителей призови к порядку. Совсем житья от них нету.

Главный редактор
П. С. ДАРИЕНКО.

НАШ АДРЕС: Москва, Центр, Чистые Пруды, 19-а. Звоните нам: в секретариат отделения 297-36-23, в издательство — 297-28-10.

Типография газеты «Гудок». 103009, Москва К-9, ул. Станкевича, 7. Индекс 50119

Б01438 Зак. № 3324.